

АЙЛИН ВУЛЬФ

ГОРД И ЛЕДИ
ШЕРВУДА

ТОМ 1

Айлин Вульф

Лорд и леди Шервуда. Том 1

«Автор»

2013

Вульф А.

Лорд и леди Шервуда. Том 1 / А. Вульф — «Автор», 2013

Он — объявленный вне закона и приговоренный к смерти, но в то же время негласно всеми признанный правитель Средних земель. Она — украшение знатного общества, самая желанная невеста в том же краю. Каждый из них стал для знати и простонародья символом: он — доблести и справедливости, она — милосердия и красоты. Они во многом схожи своей сутью, объединены родством душ, но при этом разделены пропастью — и преодолеть ее, кажется, невозможно.

© Вульф А., 2013

© Автор, 2013

Содержание

От автора	6
Пролог	7
Фледстан	19
Глава первая	19
Глава вторая	39
Глава третья	46
Глава четвертая	63
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Айлин Вульф

Лорд и леди Шервуда. Том 1

«...если бы я мог выбирать из всех знатных дам и дев мира, я выбрал бы только тебя». – «Тогда, – сказала она, – если такова твоя воля, женись на мне, пока я не стала женой другого». – «Я женюсь на тебе как можно скорее... как только ты пожелаешь».

Мабиногион

*...уж таков обычай,
Чтоб были женщины мужской добычей.
Джон Донн*

От автора

Эта история – не история приключений Робина Гуда. Нигде главный герой ни разу не поименован именно таким образом, хотя все остальные имена, включая его собственное, основное место действие, эпоха и отдельные эпизоды, несомненно, могут привести к мысли о том, что лорд Шервуда и есть знаменитый герой английских легенд. И все же нет: история не о Робине Гуде и тем более не о приключениях. Она о жизни, и не только главных героев, но и всех, кто соприкоснулся с ними в повествовании. Чья-то жизнь оказалась рассказана более подробно, чья-то менее, но все они сплелись в один узор, как и говорит в эпилоге Робин Марианне.

Зачем мне понадобилось уловка с именем главного героя? Прежде всего, из уважения к почитателям Робина Гуда, чтобы они избежали разочарования, сочтя эту историю именно историей о нем, но, как всегда, не соответствующей их видению этого героя. Другая причина заключается в том, что я и сама понимаю, что созданный в этой истории образ главного героя отличается от традиционного, сложившегося в балладах. Сходство сохраняется в одном: пользуясь словами Жака Ле Гоффа «мужчина представительной наружности, вне закона, борец и бунтарь, повстанец, живущий в своеобразной среде обитания – в лесу». Природа этой борьбы мне и была интересна. Не претендуя на оригинальность, я пришла к той трактовке образа, который читатель найдет в книге «Лорд и леди «Шервуда».

О чем эта история? О разном понимании власти и отношению к ней. Тяжелый долг и постоянная ответственность за принимаемые решения или привилегии в сочетании с правом вершить людские судьбы. О разном подходе к применению вооруженного насилия. Необходимость, разумность, и целесообразность или воплощение собственной воли любой ценой. И, несомненно, эта история о любви, и в первую очередь – главных героев: Робина и Марианны. Но, кроме любви главных героев, эта история и о любви, которую вызывают Робин и Марианна в других героях. Любовь открытая и всеобщая, безмолвная и скрывающаяся за дружбой, таящаяся поодаль и благоговеющая, стремящаяся поработить, не сумевшая смириться с самим ее существованием, доводящая до предательства под личиной высоких материй или ради заботы о собственном благополучии. Разные лики любви откроются в этой истории.

Смещение богов из разных культов – скандинавского, валлийского, кельтского – сделано преднамеренно, как дань эпохи, уход которой неизбежен, и потому имена древних богов проступают в книге, как следы на тающем по весне снегу.

И положительные герои, и отрицательные прежде всего люди. Положительные герои не лишены недостатков, отрицательные – достоинств. Автор с нежностью и любовью относится к первым и с сочувствием ко вторым.

Некоторые обмолвки и неясности найдут объяснение в следующей книге. Она состоит из нескольких частей, объединенных названием «Друзья и недруги».

Пролог

Мне ль в лета юные мои
Судить о Смерти и Любви?
Но мне известно: стрелы их
Опасны для сердец людских.
Нас одинаково разят
И жар Любви, и Смерти хлад.
Они, хоть обликом не схожи,
Готовят нам одно и то же...¹

Мелодия растворилась, как облако в небе, подхваченные эхом слова смолкли, и только стрекот цикад нарушал тишину леса. Наступил тот час, когда день незаметно переходит в вечер. По воздуху разлился густой аромат трав и меда, от речной воды повеяло прохладой.

Девушка, певшая песню, сидела на берегу реки. Высокая августовская трава укрывала ее почти с головой от посторонних глаз. Теперь она молчала и смотрела из-под ресниц на кромку леса, который стеной окружал широкий луг на противоположном берегу. Рослый серый конь переминался с ноги на ногу за спиной хозяйки, напоминая о себе шумными вздохами. Она лишь улыбалась, когда он, в очередной раз не выдержав невнимания к себе, дотрагивался губами до ее макушки или руки, и продолжала безмятежно наблюдать за солнцем, склоняющимся к верхушкам деревьев. Шелест тяжелой листвы, шорох травы, ленивый плеск речной воды, набегающей на прибрежные валуны, – все эти звуки, складывающиеся в простую, но безмерно чарующую музыку летнего леса, окутали девушку ласковыми и теплыми покровами, и она растворялась в этой музыке всем своим существом.

Вдруг ее взгляд утратил мечтательность, глаза остро прищурились – она заметила высоко в безоблачном небе едва различимый черный силуэт. Узнав в нем ястреба, девушка подняла лук, который вместе с колчаном, полным стрел, лежал у ее ног. Ее губы изогнула озорная ребячливая улыбка. Тщательно прицелившись, девушка резко отпустила тетиву, и стрела взмыла ввысь.

Внезапно вслед за ее выстрелом раздался свист тетивы. Длинная, хищно сверкнувшая наконечником стрела вмиг настигла ту, что выпустила девушка, и разбила ее в щепы.

Девушка прыжком вскочила на ноги и, ухватившись за повод всхрапнувшей лошади, оглянулась. Над ней – на тропинке, проходившей по склону берега, – стоял высокий охотник, держа в руке длинный лук.

Он был одет в зеленую суконную куртку поверх рубашки из тонкого льняного полотна. Светлые штаны были заправлены в высокие сапоги, на которых поблескивали шпоры. Двойной кожаный пояс охватывал его стан, к поясу крепились ножны с длинным мечом и охотничьим ножом. Лицо незнакомца наполовину закрывала черная полумаска. Сквозь узкую прорезь были видны темно-синие глаза, и девушка замерла под внимательным, пристальным взглядом.

– Разве этот ястреб причинил тебе зло? – спросил охотник, и в его спокойном голосе послышалось неодобрение.

Девушка не ответила, настороженно разглядывая незнакомца из-под полуопущенных ресниц.

¹ Строки из стихотворения английского поэта Бена Джонсона (1572–1637) «Любовь и Смерть». Перевод В. Рогова (здесь и далее – примечания автора).

– Что же ты молчишь? – он усмехнулся, убирая лук в колчан. – Ты не боишься гулять одна в глухом лесу, при этом петь в полный голос, но испугалась первого же встречного?

– Нет, я не боюсь тебя, – помедлив, ответила девушка, отпуская поводья коня, которые до этого крепко сжимала в ладони.

Ее негромкий голос был таким чарующе мелодичным, что сказанные ею слова прозвучали, словно волшебное заклинание.

– Ты неожиданно оказался рядом. Я не слышала ни самих твоих шагов, ни шороха трав, потревоженных тобой, – так, будто ты вдруг сотворился из воздуха. А лес мне не страшен. До сегодняшнего дня я никого не встречала в нем. Тем более одного из знаменитых шервудских разбойников!

В глазах охотника зажглись веселые искорки.

– Ты не боишься обидеть меня? – хмыкнул он в ответ. – Может быть, я добропорядочный йомен или даже королевский лесничий? А ты обвинила меня в разбое!

Девушка рассмеялась – весело и беззаботно, словно они были не один на один в безмолвном лесу, а разговаривали на многолюдной городской площади.

– Если тебе не нравится, что тебя приняли за разбойника, тогда не носи зеленую куртку – весь Ноттингемшир избегает этого цвета в одежде! Сними с рукава эмблему Шервуда, с лица – маску, а то они заставят кого угодно усомниться в твоём законопослушании!

Ни слова не говоря, охотник снял маску и убрал ее в колчан.

Она увидела, что он молод – едва ли старше двадцати пяти лет, а может быть, и того меньше. Его лицо, больше не скрытое маской, отличалось правильностью черт, словно было выточено резцом умелого мастера римских времен: ни одной неверной, нечеткой линии. Глаза и впрямь оказались цвета ясного вечернего неба. Темные, красивого излома брови слегка изогнулись вслед за едва уловимой усмешкой, притаившейся в уголках его рта. Такие же темные, коротко подстриженные волосы в беспорядке встопорщились, и он небрежным движением поправил их так, что они узким крылом осенили его чистый лоб, оттенив еще больше синь глаз. Не будь при нем оружия, он все равно не смог бы выдать себя ни за йомена, ни за лесничего: высокий, стройный, тонкий в стане, широкий в плечах – настоящее олицетворение воинской стати, завершенное скупыми и точными движениями, ощущением силы и уверенности в себе, исходившим от всего его облика.

Она вдруг почувствовала, что чем дольше смотрит на него, тем труднее ей отвести взгляд от его лица, и особенно от глаз, взгляд которых словно заволаживал и проникал в самую глубину ее души.

Как будто прочитав эту мгновенную мысль, мелькнувшую в ее голове, охотник улыбнулся.

– Ну что, бесстрашная девица, неужели облик шервудского разбойника так тебя напугал, что заставил онеметь?

– Нет, – просто ответила она и улыбнулась в ответ. – Если бы я встретила тебя не в этом лесу и в другом наряде, то, наверное, и не подумала бы, что ты один из вольных стрелков лорда Шервуда. Ты похож на рыцаря, а не на разбойника.

Услышав ее подобный отзыв о себе, он весело присвистнул.

– А может быть, ты не так уж далека от истины, и я и есть странствующий рыцарь?

– Где же твой щит с гербом? Рыцарский конь, оруженосец, войско? – рассмеялась она, вопросительно посмотрев на охотника.

– Тебя не обманешь! – и он, посмеиваясь, подал ей руку, помогая подняться по склону, на котором стоял сам. – Ты, должно быть, разоблачила бы и самого лорда вольного Шервуда, даже если бы он предстал перед тобой в королевской мантии!

– Нет, ведь я не знаю его, – сказала девушка, отпуская руку охотника. – Но его имя известно всему графству, да, наверное, и всей Англии. Уж на что я недавно в Ноттингемшире, но и то наслышана о вольных стрелках Шервуда и их смелом предводителе!

Перекинув на грудь тяжелую волну распущенных длинных волос, девушка принялась заплетать их в косу, из которой все равно выбивались своевольные золотистые завитки. Ее тонкие руки, проворно сплетавшие пряди, были открыты до самых плеч, и солнечные лучи с удовольствием ласкали шелковистую смуглую кожу. Девушка была в довольно простом наряде, удобном для езды верхом: светлом льняном платье длиной до колен, короткой верхней безрукавке с капюшоном и маленьких сапожках из замши. Заметив, как пристально смотрит на нее незнакомец, она слегка покраснела и недовольно нахмурилась.

– Почему ты так смотришь на меня?!

Он промолчал. Не услышав ответа, она резко отвернулась, выразив этим движением охватившее ее неудовольствие, и лучи заходящего солнца четко вычертили тонкий профиль ее лица. Вновь встретившись с требовательным и строгим взглядом ее больших, ясных глаз, он почувствовал неожиданное для себя волнение.

– Значит, ты недавно в Ноттингемшире? – переспросил он и понимающе кивнул. – Поэтому я и не видел тебя раньше.

Услышав эти слова, девушка вопросительно изогнула тонкую бровь и посмотрела на него с откровенной усмешкой.

– Разве ты знаешь в графстве всех и каждого?

– Тебя нельзя забыть, увидев хотя бы однажды.

Она склонила голову, смущенная таким прямым ответом, но тут же рассердилась на себя за то, что поддалась смущению, и на незнакомца за то, что он стал этому причиной, и вновь вскинула потемневшие глаза на незваного собеседника. Он же встретил ее взгляд с самым невозмутимым видом, и лишь в уголках его рта промелькнула и тут же спряталась едва заметная улыбка, словно сердитое выражение ее лица только позабавило его.

– Назови мне свое имя, прекрасная охотница, и скажи, куда проводить тебя!

– Меня зовут Мэри, – помедлив, ответила девушка, – и живу я в замке Фледстан. Но мне не нужны провожатые – я в силах сама отыскать дорогу домой.

– О, так ты из Фледстана? – незнакомец на миг задумался. – Ты, наверное, из свиты леди Марианны и вместе с ней вернулась из монастыря?

– Откуда тебе об этом известно?! – изумилась девушка. – У тебя есть во Фледстане знакомые? Или ты знаешь леди Марианну?

Ее вопросы вызвали у него непонятную улыбку, и ответил он тоже непонятным тоном, словно сам немного удивлялся тому, что сейчас говорил:

– Нет, я никогда не видел дочь барона Невилла. Но знаю, что после смерти матери она воспитывалась в Кирклейской обители и месяц назад вернулась в отчий дом. И если ты недавно в Ноттингемшире и тоже живешь во Фледстане, то резонно предположить, что ты приехала вместе с ней.

– Странно! – девушка в задумчивости прикусила губу и бросила на вольного стрелка испытующий взгляд. – Неужели возвращение леди Марианны в родительский дом оказалось таким значительным событием для Ноттингемшира, что об этом знают даже в Шервуде?

– Милая Мэри! – рассмеялся стрелок. – Для того чтобы выжить, будучи объявленным вне закона, надо знать очень много! Поэтому как раз в Шервуде ты встретишь самых осведомленных в графстве людей!

Пока они разговаривали, солнце наполовину скрылось за кромкой леса. Длинные тени стали потихоньку растворяться в подступающих сумерках. Над рекой пока еще едва различимой дымкой начал сгущаться вечерний туман. Девушка негромким свистом подозвала бродившего поодаль коня и дотронулась до руки стрелка.

– Мне действительно пора возвращаться домой – уже довольно поздно, – тихо сказала она.

– Правда, мы с тобой заболтались, забыв о времени! – легко согласился стрелок. – Но ты не волнуйся – я провожу тебя. Не годится девице оставаться в лесу одной в поздний час. Тем более такой беспечной, как ты.

– Чем же я беспечна?! – уязвленно воскликнула девушка.

– Хотя бы тем, что, увидев незнакомца, должна была убежать со всех ног. Вместо этого ты позволила втянуть себя в разговор и задержалась почти до темноты, – ответил он, сопроводив свои слова дразнящей улыбкой, и откровенно расхохотался, глядя на ее возмущенное лицо. – Но я благодарен тебе за доверие, поэтому побуду до Фледстана твоим стражем.

– Я тебе уже говорила, что не нуждаюсь в провожатых! Тем более – в нравоучениях первого встречного.

Подчеркнуто не обращая больше внимания на стрелка, девушка вновь спустилась к реке и вернулась с седельной сумкой, из которой выглядывали густые пучки трав и головки цветов. Прикрепив сумку к седлу, она одним легким и плавным движением села в седло и подобрала поводья, намереваясь тронуться в путь. Но стрелок перехватил повод, заставив коня замереть как вкопанного.

– Ну, если ты отказываешься от моего покровительства, то долг рыцаря все равно велит мне взять тебя под защиту.

– Кажется, мы уже выяснили, что ты не рыцарь! – ответила девушка, высокомерно вскинув голову.

– О, прекрасная и жестокая дама!.. – протянул стрелок, сощурился глазами. – И надо бы для урока оставить тебя в гордом одиночестве, но мне не хочется потом тратить время на то, чтобы выручать тебя из неприятностей. Шервудский лес весьма оживлен по ночам, равно как и дороги графства. Так что тебе может навязать свое общество и второй встречный, и третий, а их намерения могут оказаться не столь мирными, как мои!

Он вдруг обжег ее пристальным мужским взглядом, от которого ей стало не по себе. Веселый, разговорчивый парень, в котором, действительно, ничего не было от грозного разбойника, внезапно исчез. Перед ней предстал совершенно другой человек, и этот другой внушал опасение – мужчина, знающий цену своей силе, не скрывающий своих желаний, не сомневающийся в праве поступать так, как он сам сочтет нужным.

Он почувствовал, как ее охватило смятение из-за произошедшей метаморфозы, и улыбнулся. Чувство опасности, которым еще мгновение назад веяло от всего его облика, рассеялось и сменилось ощущением спокойной силы, способной и стремящейся защищать от любого зла. Девушка облегченно вздохнула, обнаружив при этом, что она и не дышала вовсе, пока была под его темным недобрым взглядом.

– Итак, я тебя убедил, – и он положил ладонь на ее колено.

– Да, наверное, мне лучше согласиться, раз уж ты сам не оставишь меня в покое! – овладев собой, недовольно проворчала девушка. – В таком случае я тоже хочу узнать твое имя. Назови себя! Это будет и данью вежливости, и подтверждением твоих добрых намерений.

Он окинул ее оценивающим взглядом – так, словно взвешивал про себя, можно ли ей доверить свое имя, и, помедлив, сказал:

– Мое имя – Робин.

– Тебя зовут так же, как и лорда Шервуда? – удивленно воскликнула она и, когда он кивнул, рассмеялась. – Вот, должно быть, путаница с вашими одинаковыми именами!

– Нет, – и он, рассмеявшись в ответ, покачал головой. – Нас с ним еще ни разу не перепутали.

Он негромко свистнул, в ответ раздалось ржание, и из-за деревьев на луг выбежал, припадая на переднюю ногу, вороной конь. Подойдя к хозяину, он потянулся к его руке. Стрелок

достал из седельной сумки ячменную лепешку и протянул ее коню. Вороной, деликатно дотрагиваясь губами до ладони хозяина, подобрал угощение. Стрелок прикрепил ножны с мечом и колчан с луком и стрелами к седлу, взял обеих лошадей под уздцы и, миновав луг, свернул на одну из лесных дорог.

– Почему твой конь хромает? – спросила девушка, отводя от лица ветку, низко склонившуюся над дорогой.

– Споткнулся, – кратко ответил стрелок, но она заметила, как по его губам скользнула мгновенная и не очень-то добрая усмешка.

Конские копыта мягко опускались в прохладную дорожную пыль. В лесу было тихо, лишь изредка слышались шумные вздохи лошадей. Последний солнечный луч угас, разлилась густая сумеречная синева – как преддверие теплой безветренной ночи, какие и бывают только на исходе лета.

– Расскажи мне что-нибудь о вольном Шервуде, – попросила девушка. – Раз уж мне довелось повстречаться с тобой, грех не воспользоваться таким случаем и не узнать о вашей жизни из первых уст, а не из пересказов!

Стрелок скользнул по ней быстрым взглядом и рассмеялся.

– А ты не только бесстрашная, но и любопытная! Что ты хочешь узнать?

Девушка задумчиво посмотрела в темнеющее небо, размышляя над тем, о чем ей спросить стрелка, потом сказала:

– Например, я слышала, что порядки в Шервуде на самом деле не схожи с разбойничьим укладом. Потому вас в народе обычно именуют вольными стрелками, и только власти зовут разбойниками. Будто бы лорд Шервуда не разрешает своим людям обижать простой люд, и даже купцы обращаются к вам за охраной, когда пускаются в дорогу с товаром или деньгами.

– Так и есть, – негромко ответил стрелок.

– А еще говорят, что он запрещает чинить насилие над женщинами.

– И это правда.

– Тогда почему же ты упрекал меня в беспечности и говорил, что мой путь может быть небезопасным?

– Потому что кроме шервудских стрелков можно столкнуться с обедневшими лордами и их слугами, которые стремятся поправить свои дела с помощью грабежей. И вот тогда я бы не поручился ни за твою честь, ни за саму жизнь.

Она хотела что-то сказать в ответ, но он вдруг замер, весь обратившись в слух.

– Что случилось? – спросила она шепотом, заметив, как он напряженно вглядывается в темноту, и ее охватила передававшаяся от него тревога.

– Слезай с лошади, – приказал он, дернул жеребцов за поводья и увел их с дороги. Она прыгнула с седла, оказавшись рядом с ним. – Укройся за лошадей и накинь капюшон так, чтобы закрыть лицо.

– Зачем?

– Просто подчинись!

Невольно повинувшись его ставшему властным негромкому голосу, она сделала так, как он велел, и вопросительно посмотрела на стрелка. Он, не глядя на нее, предостерегающе поднял руку, призывая к молчанию, и вынул из ножен меч. Но теперь уже и она расслышала топот копыт скачущих во весь опор лошадей.

Еще несколько мгновений, и из-за поворота дороги на полном скаку выехали два всадника. Стрелок еле слышно рассмеялся и резко свистнул. Услышав его свист, всадники, не сговариваясь, осадили разгоряченных коней.

– Долгих лет тебе, лорд Робин! – воскликнул один из них, приветственно взмахнув рукой. – Уж не нас ли ты собрался встретить с таким почетом?

Оба всадника расхохотались так, что их лошади заплясали и застригли ушами.

– Я же не мог узнать по стуку копыт, кто скачет мне навстречу, Статли! – смеясь, ответил провожатый девушки и убрал меч в ножны. – Вот и пришлось приготовиться к обороне.

– Нам повезло, что к обороне! – хмыкнул в ответ второй всадник, кружа на приплясывающей лошади. – Если бы ты приготовился к нападению, нас бы завтра отпевали. Между прочим, пока ты здесь прохлаждаешься, Джон тебя обыскался.

– Зачем я ему понадобился?

– Он беспокоится о тебе, впрочем, как и всегда! – сказал всадник, которого назвали Статли. – Сегодня сэра Гай пытался поохотиться в нашей Оленьей Лощине, а ты, как вчера уехал, так о тебе ни слуху ни духу!

– И вы решили, что я попался ему на прицел вместо оленя?

– Нет, мой лорд, мы всегда уверены в твоей ловкости и отваге! К тому же если бы сам властитель вольного Шервуда оказался в руках Гисборна, об этом бы уже протрубили глашатаи шерифа во всех уголках графства. Да и Эдгар побывал у вас с рассказами о том, как ты навел сэра Гая на его засаду, вот только не смог объяснить, куда ты сам потом подевался. Ты ведь знаешь Джона, Робин. Он уже грозитя разнести по камешкам Ноттингемский замок, если ты немедленно не объявишься живым и невредимым, и ворчанием отвлекает Кэт от подготовки к празднику. Так что поторопись, не то сэра Рейнолд останется без крыши над головой, а мы – без праздничного стола!

Всадники вновь довольно расхохотались.

– Объявлюсь, но позже. Я сейчас занят.

– Мы заметили! – Статли, восхищенно прищелкнув языком, указал товарищу на девушку. – Взгляни, Алан, я даже в темноте вижу, какое миленькое создание – занятие Робина!

– Я давно уже ее разглядел, Вилл, – насмешливо ответил Алан. – Личико, правда, не увидеть из-за темноты да капюшона, но фигурка выше всяческих похвал. Иначе зачем бы Робин решил покрасоваться с мечом в руке? Будь он один, расстрелял бы нас из лука, и дело с концом! А из-за прекрасных глаз... Да, Робин?

Не выдержав, девушка тихо рассмеялась.

– Вы ржете громче собственных лошадей! – недовольно поморщился Робин. – Я всего лишь провожаю девушку через лес ради ее безопасности. Но у вас любое доброе дело вызывает насмешки.

– С каких это пор хорошеньким девицам стало безопасно в твоём обществе? – немедленно отозвался Статли. – Ты бы сделал доброе дело, если бы держался от нее подальше. Или это с ней ты пропал со вчерашнего вечера, а потом праздновал очередную победу над Гисборном? Почему-то мне кажется, что Джону тебя не дождаться и к этой ночи!

– Ты сегодня очень разговорчив, Вилл, – кратко заметил лорд Шервуда, и в его голосе еле слышно прозвенела сталь.

Стрелки, очевидно, знали цену этим стальным ноткам и замолчали как по команде.

– Передайте Джону, чтобы он пощадил сегодня Ноттингем. И возьмите с собой моего коня – ловчий Гисборна зацепил его стрелой.

– Значит, ты все-таки обменялся любезностями с сэром Гаем, – протянул Алан, переглянувшись с Виллом Статли. – Но мы едем не в сторону твоего лагеря, Робин. Впрочем, можем оставить твоего коня у первого же поста, а потом дозорные приведут его. Кстати, который из жеребцов твой?

– Ладно, не надо, – ответил лорд Шервуда и потрепал обоих коней по гривам. – Он выносливый парень, потерпит. Куда вы направляетесь?

– Как обычно, по дозорам. Через половину постов нас сменят Скарлет с Мартином.

– Хорошо, принимайтесь за дело. Я вас больше не задерживаю, – лорд Шервуда, посадив девушку в седло, потянул лошадей за поводья, собираясь продолжить путь.

– Подожди, Робин, – остановил его Статли уже серьезным тоном. – Утром в Сауфвэлл проследовал отряд ратников сэра Рейнолда.

– Большой отряд?

– Четыре десятка. Едва ли они отправятся на ночь глядя в обратный путь или куда им там приказано, но будь осторожен.

– Хорошо, Вилл.

– Доброго пути тебе, красавица! – махнул рукой девушке Статли. – Будь милостива к нашему лорду. Он не каждой оказывает такую честь – лично провожать через Шервуд!

– Робин, за тебя замолвили словечко! – рассмеялся Алан.

Пришпорив лошадей, всадники скрылись в темноте. Смолк топот копыт, снова стало тихо. Лорд Шервуда и девушка продолжили путь. Оба молчали, пока Робин не спросил:

– Что-то изменилось, Мэри? – он посмотрел на нее испытующим взглядом. – Мне кажется, ты сердисься на меня.

– Я могла бы догадаться, что у тебя не просто такое же имя, а ты и есть лорд Шервуда. Но почему ты сам не сказал, кто ты на самом деле? Разве ты стыдишься того, кто ты есть? – тихо спросила она, вглядываясь в шагавшего возле ее стремени знаменитого предводителя вольных стрелков.

– Нет, – ответил он, – но если я буду чрезмерно гордиться собой и представляться всем и каждому, то моя известность однажды приведет меня прямо на эшафот.

– Да, у тебя опасная слава, – грустно согласилась девушка, – неудивительно, что ты не доверяешь незнакомым людям.

– Ты говоришь сейчас о себе, – проницательно заметил он, – но дело не в недоверии. Я просто не хотел испугать тебя – мне нравится разговаривать с тобой.

– О!.. – она смущенно смолкла, но ненадолго. – Можно мне еще спросить тебя?

– Спрашивай.

– О каком празднике упоминал стрелок, которого вы называли Аланом? Праздник, к которому мешает готовиться твой друг Джон? Тот Джон, которого людская молва называет Малюткой, да?

– Малютка! – Робин рассмеялся. – Малютка, который выше всех в Шервуде на целую голову! Ох, и придется же мне выслушать от него нравоучений на целый год вперед! Праздник, о котором говорил Алан, это сугубо наш, шервудский, праздник. Его нет в церковном календаре. Этим праздником мы прощаемся с летом. За столами собираются стрелки со всего Шервуда, мы зажигаем большой костер, поем песни, а утром приходит первый осенний день.

Он зачаровал ее рассказом, и она не сразу заметила, что с широкой дороги он неожиданно свернул на узкую тропинку, уводившую вглубь лесной чащи.

– Куда ты ведешь меня? – она встревоженно повертела головой по сторонам, но не увидела в темноте ничего, кроме сплошной стены леса. – Чтобы добраться до Фледстана, надо было держаться той дороги, по которой мы ехали!

– Дорога делает круг, – Робин пожал плечами, – а мы сейчас идем прямо, срезая все повороты.

– Какая же я глупая! – беззаботно рассмеялась девушка. – Подумала, что ты заблудился в дорогах Шервуда, а ты их знаешь, наверное, как свои пять пальцев.

Робин запрокинул голову, чтобы посмотреть на нее, и улыбнулся. Улыбка чудесным образом меняла его лицо, придавая красивым резким чертам юношескую мягкость. Это преобразование невольно так пленило девушку, что она не сразу и неохотно смогла отвести взгляд от лорда Шервуда.

– Не сочти за хвастовство, но Шервудский лес изучен мной до каждого заповедного уголка. Он ведь мой дом. За неимением другого.

Ей показалось, что в его голосе неявно, но прозвучали и боль, и сожаление. И ей вдруг захотелось, чтобы он открыл свою душу, где она смогла бы отыскать источник этой боли, а отыскав, исцелить. Это желание испугало ее больше, чем тот его взгляд на берегу реки – взгляд, которым он сумел убедить ее в том, что ей все же нужен в лесу и провожатый, и защитник. И она поспешила заговорить снова.

– Так ты сегодня сражался с Гаем Гисборном? Это был поединок? И кто этот Гай Гисборн?

Лорд Шервуда, не замедлив шага, легко наклонился, сорвал длинную травинку и закусил ее.

– Гай Гисборн – первый помощник и правая рука шерифа Ноттингемшира. На самом деле он и есть настоящий шериф, а не сэр Рейнолд. Что же до сражения, то это можно назвать охотой, скачками, но только не поединком. С Гисборном не слишком удаются поединки: если я выйду один против него, он тут же выставляет против меня всю свою дружину. Ничего не поделать – такие у него правила войны со мной и моими стрелками! А я не подчиняюсь чужим правилам. Так что досталось не мне, а моему Воину.

– А со стороны Гая Гисборна были потери?

– Со стороны Гисборна потери были, – коротко ответил Робин, и его ответ прозвучал так жестко, что она воздержалась от подробных расспросов.

Казалось, что лесной тропинке не будет конца, и девушка с заметным беспокойством приподнялась в стременах, пытаясь отыскать взглядом хотя бы едва заметный просвет среди деревьев. Робин оглянулся на нее и, угадав беспокойство спутницы, прибавил шагу, на что его вороной отозвался неодобрительным фырканьем.

– Леди Марианна будет бранить тебя, если ты поздно вернешься?

Девушка перевела взгляд на лорда Шервуда и слегка улыбнулась.

– Нет. Леди Марианна строга, но браниться не станет. Вот ее отец – иное дело, и мне от него изрядно достанется, если я вернусь позже, чем он приедет из Ноттингема.

Робин неожиданно остановился и раздвинул рукой густые ветви деревьев.

– Вот и твой дом, Мэри!

Девушка спрыгнула с коня и, выглянув из-за руки Робина, увидела в просвете ветвей замок, стоявший на пологом холме среди расступавшегося вокруг леса. Зубчатые стены тянулись к небу, на котором уже зажглись первые звезды. Замок был большим, хорошо укрепленным, опирался на четыре башни по углам, словно зверь на мощные лапы. В стене, обращенной к путникам, были видны массивные, обшитые металлическими пластинами ворота, закрывавшие въезд. У ворот на стенах ярко горели факелы, подъемный мост через ров был опущен, и девушка повеселела.

– Мост не поднят! Значит, сэр Гилберт еще не вернулся.

– А если бы вернулся и мост оказался поднятым?

– Тогда лорд Невилл очень бранил бы меня, – вздохнула девушка, но в ее глазах мелькнули лукавые искорки.

– Правду ли говорят, что барон Невилл дружен с шерифом Ноттингемским? – спросил Робин, по-прежнему покусывая травинку и внимательно разглядывая замок.

– Так утверждает сам шериф. Сэр Гилберт – желанный гость у сэра Рейнолда, но он не связан с ним дружбой, – ответила девушка.

– Зачем нужно шерифу, чтобы Невилла считали его другом? Тем более что сэр Гилберт из старого саксонского рода, а сэр Рейнолд – норманн.

– Да, саксонского, но все же очень знатного рода. При этом сэр Гилберт считает, что саксам и норманнам больше не за что воевать. Еще отец сэра Гилберта – барон Готвальд – согласился на то, чтобы его родовое имя звучало на норманнский манер. И своему сыну он выбрал имя не из саксонских имен. У сэра Гилберта крепкие родственные связи с правящим

домом Уэльса. Он богат, его сын сэра Реджинальд – один из самых приближенных рыцарей короля Ричарда и получил от него титул графа Линкольна.

– Последнее, о чем ты сказала, не слишком завидное достоинство, – возразил Робин. – Англией правит принц Джон, а о короле ничего не слышно, хоть крестовый поход и окончен.

– Король Ричард жив, он вернется! – убежденно воскликнула девушка. – И тогда лучше не иметь среди недругов любимца короля. Так что сэра Рейнолд весьма дальновиден.

– Может быть, может быть, – задумчиво прищурился Робин по-прежнему смотрел на замок. – И все же сэра Гилберт поступает опрометчиво, оставляя дочь одну в замке. Сейчас развелось слишком много охотников за богатым приданым.

– Но леди Марианна не боится оставаться в замке одна. Фледстан хорошо укреплен, – с удивлением возразила девушка. – И, насколько я знаю, она не торопится замуж.

– Кто же будет спрашивать ее согласия, случись что! – снисходительно пожал плечами лорд Шервуда и обернулся к своей спутнице: – Тебе пора, Мэри.

Он посмотрел на нее с легкой грустью в темно-синих глазах, которые сейчас показались ей почти черными. Его ладонь коснулась ее гладкого открытого плеча, и Робин не удержался, чтобы не погладить ее тонкую руку. Заметив, что девушка оробела под его рукой, он улыбнулся и убрал ладонь с ее плеча.

– Послушай, тебе не надо возвращаться с хромым конем, – внезапно сказала девушка, подняв на него серьезные ясные глаза. – Твои друзья сказали, что в Шервуде этой ночью опасно, поэтому возьми мою лошадь, а своего вороного оставь мне. Я вылечу его, и ты потом заберешь его обратно.

Он приподнял ладонью ее подбородок и заглянул в самую глубину ее глаз – так, что ей вновь почудилось, будто его взгляд проник в ее душу.

– В Шервуде всегда опасно, не только сегодня. Но ты права – рана Воина меня действительно тревожит. Вот только хорошо ли будет для тебя, если ты отдашь мне своего коня? Знакомство с вольными стрелками не одобряют, за помощь нам можно поплатиться головой. Да и что скажет барон Невилл, узнав, что ты вернулась с чужим конем?

– Ты поэтому и велел мне закрыть лицо капюшоном? Не хотел, чтобы меня могли потом узнать?

– Да. Ведь я еще не знал, кто едет нам навстречу – друг, враг или посторонний, который иной раз опаснее врага.

Он так и не отнял ладони от ее лица. Она опустила глаза и прошептала:

– Не волнуйся за меня! Сэр Гилберт ничего мне не скажет – он и не заметит, в конюшнях Фледстана много лошадей. А я не хочу, чтобы ты попал в руки ратников сэра Рейнолда.

– И я не уверен, что мой конь пойдет с тобой. До сих пор он признавал только меня.

– А я сейчас попробую поладить с ним! – улыбнулась девушка.

Она подошла к вороному совсем близко и, не обращая внимания на то, как жеребец угрожающе прижал уши к голове, положила ладонь на атласную шею коня и тихо пропела несколько слов на другом языке, услышав которые, лорд Шервуда вскинул бровь.

– Ты знаешь валлийский язык? – спросил он, внимательно глядя на девушку. – И древние заклинания?

– А ты понял то, что я сказала? – обернулась она и удивленно посмотрела на Робина.

Он улыбнулся в ответ и движением подбородка указал на коня:

– Главное, что тебя понял Воин. Смотри, он признал тебя!

Вороной утратил прежний грозный вид и, вытянув шею, скользил бархатистыми губами вдоль руки девушки, сопровождая прикосновения ласковым фырканьем. Девушка без всякого опасения погладила коня по лбу и, слегка откинув голову, посмотрела на жеребца оценивающим взглядом.

– Ты знаешь, у тебя замечательный конь! – сказала она с искренним восхищением. – Такая мощь, резвость и выносливость при столь изящной стати!

– Я знаю, – ответил лорд Шервуда, глядя на девушку все с большей заинтересованностью. – А вот от тебя я не ожидал, что ты настолько тонко разбираешься в лошадях!

– Сэр Гилберт любит лошадей, – пожалала она плечами, – конюшня Фледстана – лучшая в графстве. Поневоле начнешь разбираться, – и с неожиданной проницательностью заметила: – Конь у тебя совсем недавно, судя по тому, что твои друзья его не признали, но ты сумел добиться от него исключительной преданности за очень короткое время.

– Я купил его на ярмарке в Линкольне три дня назад, – ответил Робин. – Он многим нравился, но подступиться к себе не давал никому. Торговец уже отчаялся сбыть его с рук. Мне он тоже пришелся по душе, и я сумел понравиться ему. Этот вороной сам выбирает себе всадников.

Не прерывая рассказа, Робин поменял на лошадях седла и надежнее закрепил сумку девушки с собранными в лесу травами и цветами.

– Ты во Фледстане травница или целительница? – спросил он.

– И травница, и целительница, – ответила она. – Я обучена и готовить лекарственные снадобья, и лечить раны и болезни.

– Монастырское воспитание?

– Нет. Меня учили мать и бабка – все женщины в нашей семье с малых лет постигали науку врачевания. В монастыре меня, напротив, обучали не очень охотно. Сестры считали, что я и без их уроков знаю слишком много. Настоятельница – та вообще иногда говорила, что мой дар и мои знания идут не от Бога. Так что ты сегодня встретил колдунью, – ее последние слова были сказаны с неожиданным огорчением, и он поспешил улыбкой развеять ее горечь.

– Я сегодня повстречался с эльфийской принцессой.

Улыбнувшись ему в ответ, девушка ласково провела ладонью по шее вороного, который заволновался, почувствовав предстоящую разлуку с хозяином. Успокоив коня, она встретилась глазами с Робинем, который не сводил с нее задумчивого и одновременно печального взгляда.

– Почему ты так смотришь на меня? Опять считаешь беспечной или легкомысленной?

– Ты не легкомысленна и не беспечна. Ты добра и пока еще очень доверчива, потому что юна. Жаль, если, становясь старше, ты перестанешь быть такой, как сейчас.

Услышав его ответ, она улыбнулась и покачала головой.

– Нет, я не так уж добра и доверчива. Но к тебе, Робин, я чувствую доверие – потому, наверное, что я тебе понравилась. Ни один мужчина не смотрел на меня так, как ты.

– Трудно поверить! – усмехнулся он и, едва заметно помедлив, добавил: – Но ты и впрямь понравилась мне еще тогда, когда я только слышал твое пение, не увидев тебя саму. А пела ты так чудесно!

Их голоса были настолько негромкими, что сказанные слова тут же затихали, словно падали жемчужинами и терялись в высокой траве.

– Ты знаешь, как ты красива? – спросил Робин, проводя ладонью по горячей щеке девушки, и сам с ласковой усмешкой ответил: – Конечно, знаешь! Но ты больше чем красива – ты вся излучаешь очарование, как солнце – тепло и свет. Я рад тому, что мой конь будет залогом нашей новой встречи – я не хочу потерять тебя, встретив лишь однажды!

И он осторожно и бережно привлек девушку к себе, дотронулся губами до ее губ. От неожиданности она замерла, но не отстранилась. Его губы, казавшиеся ей сухими и жесткими, внезапно оказались необыкновенно нежными. Они ласкали ее крыльями мотылька, и у нее стала кружиться голова, словно она пригубила кубок с душистым вином. Опьянев от его поцелуя, она бы упала, если бы его руки не сжали ее крепче. Она робко дотронулась ладонью до его волос и подивилась тому, какие они мягкие, почувствовала, что от его кожи пахнет травами и свежестью родниковой воды. Но от ее прикосновения его поцелуй стал более страстным и

требовательным. Теперь он уже не вдыхал ее дыхание, а пил его, словно ключевую воду, и никак не мог утолить жажду. Она обвила его шею руками, и в ответ на ее объятие он с глухим возгласом с силой прижал ее к своей груди. Она услышала стремительный стук его сердца, эхом отозвавшийся в ее груди и заставивший ее сердце биться быстрее, в такт.

– Мэри! – прошептал он, немного отпуская ее, когда поцелуй оборвался. Порывисто лаская пальцами ее скулы, он не мог оторвать взгляд от ее бездонных распахнутых глаз. – Ты словно лесной родник, полный дикого меда! Я целовал бы и целовал тебя!

Почувствовав, что он сейчас так и поступит, она отпрянула и с ласковым, но твердым запретом положила ладонь ему на губы.

– Прошу тебя, Робин! – шепнула она, не сводя с него умоляющего нежного взгляда. – Мне давно пора быть в замке!

Он знал, что если бы проявил настойчивость, то она не ушла бы от него, как бы ни торопилась. Но в ней была заключена какая-то особенная сила духа, одновременно слитая с беззащитной нежностью, и этот сплав пленил его сердце, не позволил ему снова привлечь ее к себе и удержать. Улыбнувшись, Робин неохотно выпустил девушку из объятий и поцеловал ее ладонь.

– Не бойся меня. И со мной никого и ничего не бойся. Я никогда не обижу тебя и не позволю никому причинить тебе зло, – сказал он и улыбнулся. – Но запомни: ты теперь должна мне поцелуй, не забудь вернуть его при встрече! А теперь иди. Я подожду здесь и посмотрю за тобой, пока ты не войдешь в ворота замка.

Он потрепал вороного, прощаясь с ним, и отдал его повод девушке. Конь шумно вздохнул и укоризненно посмотрел на хозяина, но не стал протестовать.

– Как мне найти тебя? – спросила она и от смущения поспешила добавить: – Чтобы вернуть твоего Воина.

Он улыбнулся, услышав и ее вопрос, и заминку в голосе.

– Я сам найду тебя, – сказал он. – Сколько надо дней, чтобы Воин выздоровел?

– Не больше недели, – ответила девушка.

– Я дам тебе знать, где мы увидимся с тобой, – и, вспомнив о чем-то, оживился, засиял улыбкой и взглядом от пришедшей ему на ум мысли. – Ты хотела бы побывать на нашем празднике? Он как раз будет через пять дней, в последний день августа.

– Конечно! – радостно воскликнула она, ведь пять дней все же меньше, чем неделя.

– Тогда мы условились. А теперь иди, милая, иди.

Последний раз оглянувшись на лорда Шервуда, она взяла вороного под уздцы и повела коня по открытой равнине вверх по холму к замку. Когда копыта гулко простучали по деревянному настилу моста и девушка вместе с вороным исчезла в проеме распахнувшихся перед ней ворот, лорд Шервуда вскочил в седло и, бросив прощальный взгляд на замок, скрылся в лесу.

– Вы сегодня совсем припозднились, госпожа! – стражники, открывшие ворота на голос девушки, склонили перед ней головы. – Мы уже хотели посылать людей на ваши поиски.

– Сэр Гилберт еще не вернулся, Родерик?

– Если бы лорд уже вернулся, во Фледстане не было бы так тихо! – проворчал стражник, закрывая ворота.

Навстречу девушке торопливо шел пожилой мужчина с факелом в руке – мажордом Фледстана.

– Леди Марианна! Я уже не знал, что и думать! – воскликнул он. – Что это за лошадь у вас? Куда подевался ваш любимец Туман?

Леди Марианна Невилл подняла бровь и выразительно посмотрела на мажордома. Тот, правильно истолковав ее взгляд, воздержался от дальнейших расспросов.

– Воля ваша! – буркнул он, нахмурившись. – А что мне сказать лорду Невиллу, если он заметит, что ваша лошадь исчезла, а взамен нее объявился этот вороной? Что вам разонравилась серая масть? Э, да этот жеребец в придачу ко всему еще и хромой!

– Хьюго, распорядись, чтобы мне сейчас принесли в конюшню ключевую воду и все, что нужно для перевязки. И пусть леди Клэрэнс пришлет туда же мою шкатулку с мазями. Этот конь ранен, я хочу осмотреть его рану и перевязать.

– Право, леди Марианна, лошадей могут заняться конюхи, я сейчас позову кого-нибудь из них. А вам лучше переодеться, пока не вернулся сэр Гилберт. Он, как только увидит вас в этом платье, так сразу поймет, что вы опять убежали в лес на целый день. Да и сапожки у вас совсем от росы промокли! Вдруг простудитесь и сляжете?

– Делай что сказано, Хьюго! – рассмеялась в ответ Марианна и, не обращая больше внимания на ворчание мажордома, повела вороного в конюшню.

Она устроила коня в деннике, который раньше занимала ее лошадь, отданная лорду Шервуда, и вороной нетерпеливо потянулся к яслям со свежескошенной травой. Лошади, почувствовав чужака, а рядом с ним – хозяйку, которую они все считали своей собственностью, ревниво заволновались. Воин зафыркал, грозно заржал в ответ и ударил копытом о стену, давая понять, что не спустит обиду.

Марианна ободряюще потрепала его по холке. Жеребец посмотрел на нее темными умными глазами, обернулся к открытым дверям конюшни, издал звонкое, залиvistое ржание и замер, наострив уши: не ответит ли хозяин на его зов.

– Не грусти! – прошептала Марианна, прижимаясь лбом к шее вороного, и, закрыв глаза, мечтательно улыбнулась. – Пять дней... Нам с тобой надо подождать только пять дней, и мы снова увидим Робина. И будет праздник – ваш праздник прощания с летом, на который он пригласил меня. Надо потерпеть всего только пять дней!

Фледстан

Глава первая

По дороге, которую обступает лес, медленно движется большой конный отряд – два рыцаря, оруженосцы, ратники, слуги, повозки. Дорога размокла под затяжными дождями, а именно в этот день дождь перешел в мокрый снег. Холодные снежные хлопья насквозь пробили тяжелые меховые плащи и конские попоны. Отряд едет в полном молчании – не то что беседа, но и просто случайное слово требует сил, которые забрали непогода и долгий путь по раскисшей дороге.

Издали раздается залиvistое конское ржание, и следом за ним – топот копыт. Между мокрых черных стволов мелькает яркий алый всполох, стремительно разрезая серую пелену зимнего дня и притягивая к себе взгляды усталых путников. Рыцари останавливаются, за ними останавливается весь отряд. На перекресток дорог на полном скаку, словно их лошадям нипочем непогода, выезжают пять всадников: девушка в алом плаще на черном как смоль жеребце и четверо ратников – двое впереди всадницы и двое следом за ней. Осадив вороного, девушка всматривается в утративший строй и беспорядочно сбившийся отряд и приветственно поднимает руку. Один из рыцарей отвечает ей таким же приветственным взмахом, а второй тем временем пытается разглядеть всадницу. Но ее лицо наполовину скрыто белой вуалью для защиты от ветра и мокрого снега. Лишь большие ясные глаза скользнули по лицу рыцаря безразличным взглядом.

– Долгих лет вам, прекрасная леди, и доброго пути! – говорит тот, что приветствовал всадницу. – Боюсь, что мы вынуждены просить вас о гостеприимстве!

– Мой отец и я будем рады его оказать, – отвечает всадница. – Вы знаете дорогу, сэр Гай, так что я поспею вперед, чтобы позаботиться о достойной встрече.

Ее вороной срывается в галоп, и всадница и ее охрана скрываются за поворотом дороги.

– Кто это, Гай? – второй рыцарь кивает на дорогу, по которой только что умчался отряд всадницы в алом плаще.

Его спутник отводит с лица припорошенный снегом капюшон, так же глядя всаднице вслед. Улыбка внезапно освещает его хмурое усталое лицо, и он отвечает:

– Светлая леди Средних земель².

Ветер щедрими горстями бросал в закрытые ставни мокрый снег. Пламя светильников выхватывало из полумрака высокие стрельчатые своды потолка, стены, сложенные из гладко отесанного камня и украшенные гобеленами и щитами. На каждом из щитов на червленом поле белел крест. Такой же крест был вышит белым шелком на большом алом полотнище, растянутом на стене над массивным креслом хозяина замка. У подножия кресла лежал огромный пятнистый пес, положив голову на мощные лапы. Темные глаза собаки были прикованы неотрывным взглядом к хозяину – высокому седовласому человеку, который стоял возле большого дубового стола и листал книгу в переплете, выложенном драгоценными камнями.

Сомлев от тепла, которое источал ярко пылавший в камине огонь, собака с урчанием потянулась и зевнула, открыв темный провал пасти и великолепные белые клыки. Вдруг ее уши чутко насторожились, по горлу прокатился глухой рык. Вскочив на лапы, пес устремил

² Средние земли (Midlands) – территория Англии, в средние века соответствовавшая области, которую занимало ранее существовавшее англо-саксонское королевство Мерсия.

взгляд на дверь, готовый сорваться с места и броситься на вошедшего, если тот почему-либо покажется опасным.

– Сэр Гилберт! – вошел мажордом и склонился в почтительном поклоне. – Вернулась леди Марианна.

Узнав мажордома, пес потоптался и с ворчанием улегся на прежнее место.

– Наконец-то! Где она? – не оборачиваясь, спросил сэр Гилберт Невилл.

В ответ за дверью послышались легкие стремительные шаги и звонкий голос, отдававший приказание готовить спальни для гостей, греть воду, накрывать стол в трапезной. Дверь распахнулась, как от порыва ветра, и в залу быстрым шагом вошла девушка, на ходу открепляя от шапочки длинную вуаль и сбрасывая с плеч мокрый алый плащ, тут же подхваченный одним из слуг, которых девушка увлекала за собой, словно стремительный горный поток. Подойдя к Невиллу, она присела перед ним в почтительном реверансе, и сэр Гилберт, положив ладони ей на плечи, поднял ее и поцеловал в мокрый и прохладный от снега лоб.

– Где ты была, Марианна?! Твоя свита с багажом давно уже прибыла в замок! А ты? Опять не устояла перед искушением прогуляться одна? – продолжая удерживать дочь за плечи, Невилл легонько отстранил ее от себя и окинул строгим, но бесконечно любящим взглядом горевшее румянцем, оживленное лицо Марианны. – Что ты пытаешься найти в лесу, дочь? Ведь зимой в нем нет трав!

– Я была не одна – меня сопровождали наши ратники. Так что ты укоряешь меня напрасно! – улыбнулась в ответ Марианны, ни капли не смущенная отцовской строгостью, и потрепала ластившегося к ней пса, который поскуливал, требуя большего к себе внимания.

– Вот как! – и хотя Невилл сурово хмурил брови, взгляд, устремленный на дочь, был преисполнен тепла и нежности. – А чем ты собираешься оправдать число взятых с собой ратников?

– Резвостью ног моего Воина! – с лукавой улыбкой ответила Марианна, забавляясь с псом, который прыгал возле нее, словно неуклюжий щенок, и подставлял лобастую голову под узкую теплую ладонь хозяйки. – За ним и остальным нашим лошадям не угнаться, а ведь в твоей конюшне лучшие лошади графства. Что же говорить о чужих!

Невилл осуждающе покачал головой, но его губы растянулись в невольной улыбке.

– Ах ты, мой хитрый лисенок! Всегда знаешь, где полить маслом, где добавить меда! – сэр Гилберт был страстным любителем верховых лошадей и гордился тем, что его конюшня была лучшей во всех графствах Средних земель. – Что за приказания ты отдавала слугам? Мы ждем гостей на ночь глядя?

Марианна к тому времени заметила книгу, которую рассматривал Невилл до появления дочери, и, завладев ею, стала быстро листать страницы. Поэтому на вопрос отца она лишь кивнула, а сама скользила взглядом по строчкам и красочным миниатюрам, которыми перемежался текст.

– Я заказал ее для тебя у аббата из Ярроу, – сказал Невилл, довольный тем, что его подарок пришелся дочери по душе. – Пока ты гостила у Уилфрида и Сэсиль, ее как раз доставили. Так кого нам следует ждать?

Настойчивый вопрос отца вернул Марианну к реальности.

– Один из гостей – Гай Гисборн. Его спутника я не знаю. Я встретила их по дороге домой, и сэр Гай просил о гостеприимстве. Я заметила, что они изрядно устали: лошади едва держались на ногах, да и люди были не в лучшем состоянии.

– Что же, ты поступила правильно – наш замок никогда не отказывал в приюте тем, кто в нем нуждается. Пока у нас есть время до приезда гостей, расскажи, как тебе самой было в гостях? Здоровы ли Уилфрид и Сэсиль? И как их сын?

– Здоровы! – живо отозвалась Марианна. – А маленький Годо – прелестный малыш. Все очень сожалели, что ты не смог приехать на крестины вместе со мной. Я передала им твое

приглашение погостить, только они вряд ли соберутся навестить нас раньше лета. Уилфрид на днях отправляется в Лондон и берет с собой Сэсиль.

Из-за ставен послышались трели рожков, и Марианна с сожалением захлопнула книгу.

– А вот и наши гости! Я проверю, готовы ли для них покои, согрета ли вода для ванн и накрыты ли столы к ужину.

– Милорд! Леди Марианна! – в залу вошел мажордом и торжественно объявил: – Благородные рыцари Гай Гисборн и Роджер Лончем испрашивают отдыха и ночлега!

– Роджер Лончем?! – удивленно переспросил Невилл и обернулся к дочери. – Родной брат верховного судьи Англии епископа Илийского? Я не знал, что он в Ноттингемшире. Что ж, большая честь для Фледстана принять столь высокого гостя.

Несмотря на торжественность сказанных отцом слов, Марианна немедленно заметила сомнение в его голосе.

– Ты не рад ему, – утвердительно сказала она и вопросительно посмотрела на отца: не опрометчиво ли она согласилась на приезд встреченных ею рыцарей?

– Ты поступила верно, – ответил сэр Гилберт, правильно истолковав ее взгляд. – Невежливо и неразумно было бы отказать. Но, полагаю, что мало бы нашлось тех, кто обрадовался бы визиту Роджера Лончема. Его брат – весьма достойный человек, но вот сам Роджер Лончем – иное дело. К несчастью, в нем нет иных достоинств, кроме родства с Уильямом Лончемом, которого король Ричард, уходя в крестовый поход, оставил управлять королевством.

– Но Уильям Лончем уже год как в изгнании, – заметила Марианна.

– Да, он не поладил с принцем Джоном, – согласился Невилл. – Зато сэр Роджер остался в числе приближенных принца, и в свете изгнания его брата приверженность сэра Роджера к принцу Джону не делает ему чести. Думаю, что в глубине души он всегда завидовал лорду Уильяму и хотел занять его место. Так вот теперь настал его час. И пусть принц Джон не назначил его канцлером Англии, как король Ричард назначил его брата, но власть Роджера Лончема велика. Но этой власти ему все равно мало, как мало и богатств, которые он получил и от короля Ричарда благодаря стараниям своего брата, и от принца Джона за свое отступничество – от брата и от короля. Так что я не слишком высокого мнения о Роджере Лончеме, но, учитывая его близость к принцу Джону, прекрасно сознаю, что отказать ему в гостеприимстве – все равно что подписать себе приговор. Что ж, будь что будет. Ступай и займись, чем собиралась, а я встречу наших гостей.

Невилл вздохнул, но, увидев тревогу в глазах дочери, улыбнулся ей ласково и успокаивающе. Зная дипломатический дар отца, Марианна тоже успокоилась и, улыбнувшись в ответ, выпорхнула из зала, не забыв прихватить с собой книгу. Пес с гулким лаем помчался следом за ней.

– Ах, сэр Гилберт, с тех пор как леди Марианна вернулась, наш замок ожил, словно сад майским утром! – вздохнул мажордом, проводив молодую госпожу любующимся взглядом. – После того как преставилась леди Рианнон, Фледстан стал похож на гробницу, зато теперь!.. Скучно нам всем станет без леди Марианны, когда вы отдадите ее замуж. Но ее супруг окажется чисто в раю! Если, конечно, он придется нашей леди по сердцу.

Покои, предназначенные для гостей, были готовы: постели застланы благоухающими мятой и ромашкой простынями, в каминах шумно гудело яркое пламя, над высокими деревянными лоханями, высланными полосами льняного полотна, поднимался душистый пар от горячей воды, в которую щедро добавили лавандового масла. Марианна зашла на кухню и убедилась, что все блюда готовы к подаче на стол. Всегда таявший от ее улыбки, словно масло на солнце, старший повар успел шепнуть Марианне, что он приготовил для нее любимые ею артишоки, а для сыра смешал мед с пряными травами. Вознагражденный ласковым взглядом, повар осмелился лишь поцеловать воздух над промелькнувшей возле его губ рукой Марианны, поскольку сама Марианна устремилась в трапезную. Там она увидела, что скатерти на столах

расстелены самые свежие, серебряные кубки и тарелки начищены до блеска, и даже напротив ее кресла в маленькой глиняной вазе топорщатся иглистые ветки с сизыми ягодами можжевельника – как скромный знак любви служанок к своей юной госпоже. Довольная и слугами, и собой, провожаемая приветственными окликами и челяди, и несущих дежурство ратников, Марианна наконец прошла в свои комнаты, чтобы снять дорожный наряд и принять ванну.

На пороге ее встретила леди Клэрэнс – подруга, воспитывавшаяся вместе с Марианной в монастыре, возглавляющая ее свиту и управляющая ее служанками. Они расцеловались, и Клэрэнс, несказанно обрадованная возвращению Марианны, отослав служанок, сама помогла ей скинуть одежды, заколоть волосы и забраться в ванну. С наслаждением окунувшись в горячую воду, благоухавшую ароматом лаванды, Марианна закрыла глаза. Клэрэнс оставила подругу одну, а сама пошла в гардеробную, чтобы выбрать Марианне наряд для выхода к столу.

Горячая вода снимала усталость и проясняла мысли, но никогда не изгоняла печаль, и Марианна тихо вздохнула. Оставленный без ответа вопрос отца настойчиво прозвучал в ее сознании: «Что ты пытаешься найти в лесу?..»

С тех пор как она вернулась из монастыря во Фледстан, многое в ее жизни изменилось. Период затворничества, молитв и обучения закончился, и она окунулась в блестящую вереницу праздников светской жизни, управляла родовыми владениями, занималась врачеванием всех, кто искал ее помощи как целительницы. У нее было много забот и так же много развлечений: охоты, пиры, турниры... Но иной раз – так, как сегодня, – вдруг оживали воспоминания о нагретой солнцем тяжелой листве, медовых и пряных ароматах летнего леса, шелесте высокой травы и о глубоком омуте синих, как грозное вечернее небо, глаз, в котором едва не утонуло ее сердце.

Он не нашел ее, как обещал, не захотел искать, забыл о ней – кто знает! В душе она была уверена в том, что он не обрадовался, когда узнал, что и она не вполне открыла ему свое имя и вовсе не обмолвилась ни о своем высоком положении, ни о богатстве отца. Она ни минуты не сомневалась, что он недолго пребывал в заблуждении относительно той, которую он принял за простую травницу, если действительно собирался ее увидеть. Ведь для того чтобы прислать ей весть о встрече, он должен был найти путь к ней, а отыскав, мог ли он не узнать, к кому этот путь ведет? Для чего ей была нужна эта недоговоренность? Для того же, для чего и ему: она не хотела, чтобы он отгородился от нее стеной вежливой учтивости и лишил ее своего доверия.

Марианна грустно улыбнулась. Разум давно ей сказал о том, что встречи с ним все равно были бы невозможны, а значит, все закончилось так, как и должно было закончиться. И все же сегодня, когда она увидела припорошенные снегом и луг, и речной склон, ее сердце вновь сдавила печаль, а губы как наяву ощутили пьянящее тепло его губ и родниковую свежесть его дыхания.

Она решительно помотала головой, отгоняя наваждение. Ее нечаянная встреча с лордом вольного Шервуда была не более чем приключением, событием одного из дней, и только! И если уж есть прихоть вспоминать о той встрече, то вспоминать надо именно так. Но вот и сейчас в ее памяти, которая с непонятным упорством не желала жить в ладу с разумом, зазвучал ласковый голос:

– Я не хотел бы потерять тебя, встретив однажды. Ты словно лесной родник! Я целовал бы и целовал тебя, Мэри!..

И под напором воспоминаний и чувств Марианна была вынуждена признаться себе в том, что лорд Шервуда почему-то волновал и продолжает волновать ее воображение. Казалось бы, у нее – единственной дочери знатного и состоятельного лорда – не было недостатка в искателях руки и сердца. За считанные месяцы пребывания под кровом отца она получила не одно предложение о замужестве, и те, кто делал эти предложения, вовсе не были лишены ни достоинств, ни привлекательности. Но каждый раз в ее памяти возникал облик лорда Шервуда, и она отвечала отказом, благо отец разрешил ей самой выбрать себе супруга.

В чем причина? Ведь не в колдовстве же! Да, он красив, безмерно притягателен, но разве эти качества определяют достоинства мужчины? Может быть, причина в его необычной славе объявленного вне закона, но почитаемого всем графством за справедливость и отвагу предводителя вольных стрелков? Марианна, не открывая глаз, покачала головой и едва заметно улыбнулась.

Нет. Просто ни в ком – ни прежде, ни потом – она никогда не встречала такого редкого сплава силы и тепла, угаданного ею в лорде Шервуда.

Далеко не сразу она перестала ждать от него вестей, надеясь, что он хотя бы захочет получить обратно своего жеребца чистых иберийских кровей. Таких лошадей не так-то просто отыскать за пределами Иберийского полуострова. Если бы он так и поступил, то она, по крайней мере, выкинула бы его из головы. Но он все оставил как есть, уязвив ее высокомерной небрежностью. Так, как если бы она, поприветствовав его, ждала ответного любезного слова, а он молча смерил бы ее прохладным бесстрастным взглядом, после чего отвернулся, забыв о ее существовании.

Но, не пожелав увидеться с ней наяву, он иногда приходил в ее сны, и один из снов очень смущал ее. Тогда она была в селении, которое находилось во владениях ее отца, и на это селение напал мор. Она почти уже справилась с поветрием, когда болезнь настигла ее саму. Охваченная жаром, она не знала, где было забытье, а где явь, и ей причудилось, что лорд Шервуда пришел к ее постели, поил целительными отварами и дотрагивался губами до ее лба, проверяя, не умерился ли жар. А еще обнимал ее и целовал так, как не целовал и не обнимал тогда, в августе, наяву. Марианна оправдывала себя только тем, что была больна, и винила сжигавший ее жар в чересчур вольной игре фантазии.

Но сейчас-то она здорова! Рассердившись на себя, Марианна решительно вынула заколку из волос, и водопад светлых локонов обрушился ей на плечи. Она позвала служанку, чтобы та помогла ей в купании: до ужина оставалось совсем мало времени, и одной ей не справиться с гривой длинных густых волос, а их ведь еще надо высушить и заплести, и подобрать украшения к платью. В том, что о выборе платья беспокоиться нет причин, Марианна не сомневалась, полностью доверяя безупречному вкусу Клэрэнс.

После ужина гости и хозяин замка перешли из трапезной в одну из небольших, но уютных зал, где был заранее растоплен камин, возле которого стояли удобные кресла, а на низком столике были предупредительно расставлены кубки, кувшины с винами и широкие блюда с ломтиками сушеных яблок и груш, пирожными с орехами и рассыпчатым печеньем на меду.

Мужчины расположились возле камина и за кубками неспешно разговаривали о политических тонкостях в делах континентальной Европы, о внутренних проблемах английского королевства. Марианна и Клэрэнс устроились поодаль за высоким столиком для шахматной игры и расставляли фигуры, выточенные из черного обсидиана и слоновой кости. Слуга принес им кубки, наполненные горячим, сдобренным гвоздикой вином, блюдо с миндальным печеньем, и девушки приступили к игре, не слишком вслушиваясь в разговоры мужчин.

Поделившись своим мнением о результатах крестового похода, причинах исчезновения короля Ричарда, территориальных претензиях французского короля Филиппа и постоянно вспыхивающих междоусобицах в английском королевстве, Лончем устал и потерял интерес к беседе, предоставив ее заботам Невилла и Гая Гисборна, которые продолжали обсуждать последние новости двора принца Джона. Сам же Лончем, мелкими глотками отпивая из высокого кубка бордоское вино, обратил все внимание на Марианну. Он разглядывал ее так неторопливо, оценивающе, не пропуская ни одной мелочи, как разглядывал бы породистую лошадь на ярмарке, и наконец покачал головой, оставшись довольным тем, что увидел. Глядя на нее, он пришел к выводу о том, что давно уже не встречал такой привлекательной девушки, а может быть, и вообще встретил впервые.

При дворе принца Джона, где Лончем проводил большую часть времени, не было недостатка в миловидных девицах. Он знал женщин, наделенных яркой, всепобеждающей красотой, чье появление заставляло всех умолкнуть и не сводить с них глаз. В случае с Марианной дело обстояло иначе. Ее красота не так очевидно бросалась в глаза. Если бы она стояла среди других девиц и дам, взгляд бы сначала скользнул мимо нее, но, тут же остановившись, словно споткнувшись, вернулся бы к ней, а вот дальше... Дальше бы показалось, что кроме нее других женщин нет ни поблизости, ни далеко. Каждая черточка ее лица, плавные линии силуэта, сочетание красок сливались в удивительно гармоничном единстве, заставляя бесконечно разглядывать девушку, любоваться, не позволяя оторвать от нее очарованный взгляд. При этом Лончем отдавал себе отчет в том, что облик Марианны не полностью отвечает канонам женской красоты. И в то же время он, не задумываясь, вызвал бы на поединок любого, кто стал бы утверждать подобное.

Ее кожа нежностью могла поспорить с шелком, но при этом не была белоснежной, а отличалась неяркой матовой смуглотой. Окажись она при дворе, где дамы и девицы заботливо лелеяли белизну лиц и тел, ей было бы не миновать их пренебрежительных насмешек. Вот только мужчины едва ли слышали бы хоть одно из язвительных слов, потому что ее чуточку смуглая кожа словно светилась изнутри ровным теплым светом драгоценного камня, вызывала непреодолимое желание прикоснуться рукой, дотронуться губами. Светлые волосы, выбивавшиеся из сложно заплетенной косы и своевольно завивавшиеся в золотистые завитки, были великолепны, выше всяких похвал. Но такой цвет волос обещал безмятежную лазурь взгляда, а глаза Марианны хоть и безупречного разреза – большие и удлиненные, в обрамлении длинных темных ресниц, – были светло-серые, точно чистейшее серебро, с очень черными зрачками. Тонкие и четко очерченные брови должны были выгибаться правильными дугами, а они замирали во внезапном изломе и разлетались к вискам крыльями ласточки. К линии точеного носа не мог бы придаться и самый взыскательный ценитель, но что делать с губами? Очертания ее рта и изысканны, и изящны, улыбка сдержанна и ровно настолько открывает матовый блеск жемчужно-белых зубов, насколько позволено самым суровым этикетом. Но при всей этой кажущейся пристойности ее губы наводили на мысли о лепестках роз и жасмина, о меде и мяте и тоже неодолимо манили прикоснуться к ним – губами ли, пальцами, лишь бы коснуться!

Другая девушка – имя ее Лончем не запомнил – была красива именно классической красотой: густые светлые волосы, неяркий румянец на безупречно нежно-белых скулах, безмятежный взгляд больших голубых глаз, правильный очерк бровей, небольшой и умеренно алый рот, ровный овал лица. Но эта спокойная красота не задела ни взгляда, ни сердца Лончема, который по-прежнему не сводил глаз с Марианны. И, засмотревшись, он не заметил, как Марианна бросила на отца мгновенный и очень выразительный взгляд.

– Милорд Роджер! – в голосе Невилла угадывалось сдержанное неудовольствие. – Вы смущаете мою дочь таким пристальным взглядом!

Лончем очнулся и посмотрел на сэра Гилберта с высокомерным недоумением. Он был осведомлен о том, что барон Невилл, а значит и его дочь, принадлежали хотя и к знатному, но все же саксонскому роду. Это обстоятельство в глазах Лончема служило вполне достаточным основанием для того, чтобы не считать Невилла себе ровней. Проявленная же некоторая бесцеремонность была, конечно, недопустима в отношении благородной девицы норманнских кровей, но для чести саксонской девушки Лончем не находил в своих манерах никакого урона. Поэтому его изрядно удивило неодобрение во взгляде Гисборна, которым тот, казалось, предостерегал Лончема от необдуманных слов и поступков, обещая не оставить их без последствий. И если возмущение отца Марианны Лончем воспринял с долей пренебрежения, то не принять в расчет Гая Гисборна он не мог себе позволить.

– Не уверяйте меня, сэр Гилберт, что я оказался первым, кто засмотрелся на леди Марианну! Рассказы о красоте вашей дочери давно уже достигли Лондона, но я теперь знаю, что

они и в малости не передали совершенства, которое сегодня открылось моим глазам. Ваше здоровье, прекрасная леди!

Вновь обернувшись в сторону Марианны, он высоко поднял кубок, и Невилл с Гисборном последовали его примеру. Теперь, когда недоразумение разрешилось, Лончем продолжил наблюдать за Марианной уже так, чтобы его взгляд оставался незамеченным. Нет, она вовсе не казалась смущенной! Весь ее облик был исполнен сдержанного, но сильного негодования. После того как Лончем получил выговор и был вынужден извиниться, она забыла о его существовании, сосредоточив все внимание на шахматной доске. Лончема задело такое откровенное безразличие и удивило занятие девушек, когда он понял, что они действительно заняты игрой.

– Бог мой, дорогая леди! – воскликнул он и, оставив кубок, подошел к Марианне. – Я полагал, что вы просто забавляетесь фигурами. А вы и впрямь обучены премудростям шахматной игры, которые не всякий мужчина способен постичь?!

Наклонившись над столом, он стал рассматривать искусно вырезанные из камня и кости шахматные фигуры и вдохнул полной грудью аромат, исходивший от волос Марианны, – тонкий, свежий и одновременно пряный. Запах был ненавязчивым, но постепенно овладевал тем, кто его чувствовал. Как нельзя было отвести глаз от самой Марианны, так и ее ароматом хотелось дышать бесконечно.

– Чем это пахнут ваши волосы, несравненная леди? – спросил Лончем.

Вопрос был очевидно бестактным, учитывая краткость их знакомства, но Марианна ответила:

– Листьями имбирного стебля, сэра Роджер.

Ее голос оставался ровным и безразличным, но был напевным и таким же нежным, как аромат, пленивший Лончема. Он подосадовал на равнодушие Марианны, ближе склонился к ней и украдкой провел кончиками пальцев по ее руке. Она ничем не показала, что заметила эту уловку, лишь снова посмотрела в сторону отца. Но прежде чем тот успел что-либо предпринять, Гай Гисборн решительно поднялся с кресла и встал за спиной Клэрэнс. Заметив, как подруга от такого соседства вся внутренне сжалась и замерла, Марианна ободряюще улыбнулась Клэрэнс, и та расслабилась и улыбнулась в ответ.

– Закройте короля башней³, леди Клэрэнс, – посоветовал Гай и, подняв глаза на Лончема, поймал его взгляд.

Лончем опять прочитал в этом властном взгляде предостережение и отнял руку, досадуя на Гая Гисборна за вмешательство и на себя за то, что был вынужден подчиниться его молчаливому приказу, лишившись удовольствия вновь ощутить нежность и тепло гладкой кожи Марианны.

– Шахматы! Вот странное занятие для девицы! – неодобрительно заметил Лончем, вернувшись к камину и заняв место напротив сэра Гилберта. – Сдается мне, леди Марианна, вы отягощены знаниями, ненужными и бесполезными для женщин. Теперь я, наверное, уже не удивлюсь, если окажется, что вы и грамоте обучены!

И он рассмеялся, всем своим видом приглашая и остальных посмеяться над удачной шуткой. Но его смех никто не поддержал даже улыбкой.

– Я владею грамотой, – сухо ответила Марианна и, стремительно передвинув ферзя, поставила Клэрэнс мат.

– Bravo, принцесса! – воскликнул Гай, подходя к Марианне, и поцеловал ей руку. – Сыграешь теперь со мной?

– Я устала, – улыбнулась в ответ Марианна, и ее голос смягчился и потеплел. – Боюсь, что на партию с тобой у меня уже не хватит сил.

³ Средневековое название шахматной фигуры «ладья».

– Жаль! Но мне приятно услышать, что ты считаешь меня искушенным в игре.

Гай торжественно предложил Марианне руку, и когда она так же торжественно положила поверх его руки свою, церемонно-медленным шагом подвел ее к креслу. Они выступали так, словно шествовали по тронному залу приветствовать короля, и улыбались друг другу, как озорные подростки, которые в чем угодно найдут повод для шалости.

– Прошу, моя леди! – изящным, как в танце, движением Гай усадил Марианну в кресло, и она принялась чинно расправлять складки платья, а в уголках ее рта все еще порхала улыбка.

Отстранив руку подоспевшего кравчего, Гай сам наполнил вином кубок и подал Марианне. Она поблагодарила его кивком головы, и наблюдавший за ними Лончем почувствовал укол ревности. В его памяти ожила только что виденная им картина шутливого шествия Гая и Марианны – рука об руку, плечо к плечу, и Лончем посмотрел на Гисборна уже иным взглядом, оценивая его как возможного соперника.

Гаю Гисборну – самому влиятельному лорду Ноттингемшира, негласному шерифу графства – на днях минуло двадцать шесть лет. Его высокая сильная фигура указывала на привычку к постоянным ратным тренировкам. Проницательные темно-ореховые глаза всегда смотрели на собеседника в упор, и мало кто мог выдержать взгляд Гая, не ощутив холодок страха. Но едва этот взгляд падал на Марианну, как в нем появлялись и любованье, и почти нежность, а лицо, правильные черты которого должны были нравиться женщинам, что скрепя сердце признал Лончем, смягчалось, утрачивая обычное высокомерное выражение.

Оставшись недовольным собственными наблюдениями, Лончем очнулся, услышав веселый смех, и увидел, что Гай о чем-то рассказывает Невиллу и Марианне, и даже застенчивая подруга Марианны пересела поближе к камину и едва заметно улыбается, слушая Гая.

– И вот сэра Рейнолд, сам того не ведая, нанял в егеря этого увальня, прозванного Малюткой. Очень ему понравилось, как Джон, едва целясь, попадал стрелой в любую дичь, а знание лесных троп и вовсе подкупило нашего славного шерифа! Еще бы левой руке лорда Шервуда не знать лес, как свои пять пальцев, не стрелять метко!

Рассказчик и слушатели расхохотались.

– Что же произошло потом? – живо поинтересовалась Марианна.

– А потом, принцесса, сэра Рейнолд приказал проводить его к тем замечательным угольям, где водится целое стадо оленей, каких сам король не видел, как уверял новый егеря. И они отправились. Теперь представьте себе, насколько сильным было удивление сэра Рейнолда, когда вместо обещанных оленей он повстречал короля Шервуда и его разбойников! В итоге сэра Рейнолда любезно пригласили отобедать, цену на обед назначили умеренную – только все налоги, полученные от Мэнсфилда и Ньюарка, и отпустили нашего шерифа восвояси. Правда, сначала сэра Рейнолд принес присягу в лояльности всем вольным стрелкам Шервуда, поклявшись в том на собственном клинке!

Марианна фыркнула и, поймав укоризненный взгляд отца, тут же зажала рот ладонью, чтобы не рассмеяться. Впрочем, Невилл и сам не мог сдержать улыбки. Что до Лончема, то когда он понял, какого рода историями Гай развлекает собравшееся общество, он не стал скрывать пренебрежения к услышанному.

– Вы опять о вашем знаменитом разбойнике! Дорогой сэра, неужели я не был прилежным слушателем, когда вы всю дорогу рассказывали мне о его подвигах, и теперь хотите утомить этими историями и наших очаровательных дам? – последние слова вырвались у Лончема от досады, которую он испытал, наблюдая, с каким неподдельным интересом Марианна слушает рассказ Гая.

– Ничуть! Сэра Гай – замечательный рассказчик! Когда он говорит, то все, о чем рассказывает, оживает перед глазами! – живо возразила Марианна и словами в защиту Гисборна еще больше усугубила досаду Лончема.

– Что творится у вас в Ноттингемшире, сэра Гай, если ни сэра Рейнолд, ни вы сами не в силах справиться с жалкой горсткой оборванцев, укрывшихся в лесу от правосудия? Принц Джон такого высокого мнения о ваших способностях, а вы не можете навести в графстве элементарный порядок! – и Лончем одарил Гая подчеркнуто снисходительным взглядом.

Улыбка немедленно исчезла с лица Гая, глаза сузились в злом прищуре.

– Жалкая горстка оборванцев, сэра Роджер? – тихо переспросил он, неотрывно глядя на Лончема. – А не хотите ли войско? Немалое числом войско из великолепно обученных, отважных, неуловимых воинов. Любой из них стоит десятка королевских ратников.

– Ерунда! – перебил его Лончем, пренебрежительно махнув рукой. – Сейчас везде шалют на дорогах: где чернь, а где и лорды. Но только в Ноттингемшире о разбойниках ходят прямо-таки немыслимые легенды. Кстати, я заметил, как вы поглядывали в сторону леса, сэра Гай, пока мы были в дороге. Не сочтите за оскорбление, но позволю себе заметить: один разбойник, может, и устоит перед десятком ратников, но один рыцарь легко справится с двумя десятками вилланов и йоменов, возомнивших о себе невесть что!

– Верно! – немедленно подтвердил Гай, впившись глазами в собеседника, и по этому яростному взгляду Марианна поняла, что, несмотря на видимое спокойствие, Гай взбешен. – Верно, сэра Роджер, особенно если этот рыцарь в доспехах, с дружиной, еще лучше – под защитой крепостных стен, и чтобы крепость была подальше от Ноттингемшира. Вот тогда совсем хорошо! Тогда у разбойников практически нет возможности одолеть рыцаря!

– Преувеличение, – примирительно буркнул Лончем, который тоже заметил, что Гай с трудом сохраняет самообладание, и разговор грозит вылиться в ссору.

– Преувеличение? Вот как! А знаете ли вы, почему я поглядывал, как вы изволили выразиться, в сторону леса? Потому что у этих разбойников не обычные, а более мощные луки, стрелы достигают трехфутовой длины, и этими стрелами они поражают любую, даже самую малую цель за добрую сотню шагов. За этот год я и моя дружина были несколько раз нещадно обстреляны. Я уцелел только благодаря доспехам, которые пришлось специально заказывать у оружейника-испанца, известного тем, что его изделия неуязвимы для стрел. А дружину мне пришлось восполнять больше чем наполовину!

– Отчего же именно вам, сэра Гай, шервудские разбойники оказывают такую честь? Мне не доводилось слышать больше ни о ком, кому бы они так досаждали!

Но Гай не пожелал удовлетворять любопытство Лончема.

– У меня с ними свои и давние счеты. Но дело не во мне. Знаете ли вы, сэра Роджер, сколько налогов не смогла получить казна, поскольку эти деньги попали в Шервуд?

– Отправляйте со сборщиками больше охраны да лучше тренируйте ноттингемских ратников, – жестко ответил Лончем. – Не верю, чтобы шайка преступников держала в страхе целое графство! В конце концов, это всего лишь чернь, вооруженная луками, – трусы, которые боятся честного боя.

– Не обольщайтесь, сэра Роджер! Они далеко не трусы и прекрасно владеют мечами, – возразил Гай, но Лончем лишь отмахнулся от этих слов.

– Отговорки! Изловите, наконец, этого лорда Шервуда, и я обещаю вам свое содействие в том, как обустроить его казнь, чтобы она стала уроком для остальных.

– О, не сочтите за дерзость, милорд, но с его казнью я и сам прекрасно управлюсь! – насмешливо шурясь, ответил Гай. – Вот только поймать его не очень легко. Пока еще никому не удалось. Скажу больше – войско лорда Шервуда тоже несет потери, но до сих пор нам не посчастливилось отправить на виселицу ни одного его стрелка!

Марианна почувствовала, как Клэрэнс от волнения с силой стиснула ее руку, сама того не заметив, но и Марианна была охвачена едва ли меньшим волнением.

– Сэра Гай, в лесах и прежде водились разбойники, когда в Англии еще не было известно имя лорда Шервуда, – сказал Невилл. – Почему же его особе вы придаете такое значение?

Спокойный голос сэра Гилберга подействовал на Гая умиротворяюще.

– Это так, милорд, – согласился Гай, – но они, как вы и выразились, «водились», как водятся олени и другое лесное зверье. Когда же он пришел в Шервуд, в действиях лесных разбойников почувствовалась твердая рука, незаурядный ум и стальная воля. Из разобщенных разбойничьих стай он за короткое время собрал войско, обучил его и организовал по всем воинским правилам. В Шервуде установился единственный закон – его слово. Никто не смеет его послушаться, и не из страха: каждый из стрелков предан ему до последнего вздоха. Он беспрельдно смел и при этом хладнокровен как змея. Весьма опасное сочетание! Он отличный всадник. Меч в его руке лежит, как будто он с ним родился. Даже мне с ним, увы, не под силу тягаться. А когда он с двумя мечами, против него устоит только один человек из тех, кого я знаю, да и тот – его же товарищ. Умение владеть луком принесло ему славу лучшего лучника Англии. Я немало слышал о его забавах – например, он сбивает своими стрелами другие стрелы, пока они еще в полете. Кто из ваших лучников, сэр Роджер, способен на это?

– Такая оценка из уст врага – лучшая похвала, – заметила Марианна, в душе почувствовав гордость за лорда Шервуда, о котором с таким уважением отзывался его заклятый враг, сам слышавший одним из самых искусных воинов графства. – И все же я не могу понять, почему он вызывает у тебя такую ненависть, Гай?

– И не пытайся, принцесса! – ответил Гай, переменявшись в лице от одного лишь ее певучего голоса, и ласково улыбнулся Марианне. – У тебя слишком светлая душа и доброе сердце, чтобы ты могла разобраться в истоках нашей с ним вражды. Поверь, он ненавидит меня не меньше, чем я его.

– Полагаю, сэр Гай, что причины вашей с ним вражды совершенно просты и очевидны! – небрежным тоном откликнулся Лончем. – Вы с шерифом сожгли селение, в котором он жил, а он в отместку разорил ваш замок. Я правильно запомнил изложенные вами события? Вот и получается, что вы сами же загнали его в Шервуд, а теперь жалуетесь.

– Я не жалею, – резко ответил Гай, с которого мгновенно слетела вся мягкость. – Напротив, мне доставляет удовольствие быть его врагом. А замок... – он усмехнулся, – я не мелочен. Нападение его стрелков на мой замок лишь сравняло нас в счете. Причины нашей вражды гораздо глубже, сэр Роджер. В сущности, это не вражда, а противостояние.

– На чем же основано это противостояние? – живо спросила Марианна.

Гай задумчиво погладил подбородок, тщательно подбирая слова.

– Он для меня олицетворяет Хаос, принцесса, в то время как я – слуга Порядка. Но он считает меня тем, кто исполняет волю Зла, а сам он, конечно, стоит на защите Добра и Света. Но он заблуждается, а я нет. Взять хотя бы любимую присказку вольных стрелков о том, что Шервуд якобы уравнивает всех, кто в него попал. Никто и ничто не может уравнять всех. Даже они – изгои – все равно соблюдают установленную им же иерархию. Он соблазнил их идеей общего равенства, но сам при этом создал себе королевство, в котором никто не осмелится оспорить его власть.

– Тогда почему же ты видишь в нем олицетворение Хаоса, если сам утверждаешь, что он выстроил в Шервуде очень жесткий порядок? – парировала Марианна.

– Ох, избавьте нас всех от рассуждений о мироздании, хаосе и порядке! – Лончем зевнул самым выразительным образом, прежде чем Гай успел ответить на аргумент Марианны.

Лончем подозревал, что если он не остановит Гая, тот до рассвета проговорит о лорде Шервуда. И слишком благодарную слушательницу он нашел в лице дочери Невилла! Лончому совсем не нравилось внимание, с которым Марианна слушала Гая. Он был убежден в том, что причиной такого внимания был сам Гай, а не предмет разговора. По его мнению, если бы Гай заговорил о погоде, Марианна все равно внимала бы каждому сказанному слову.

А Гая и в самом деле занимала тема беседы, он действительно был готов продолжать ее, особенно с такой собеседницей, как Марианна, тонко улавливающей эмоциональные нюансы и одновременно жестко не пропускающей ни одной логической шероховатости.

Ни тот ни другой даже представить себе не могли, что Марианну интересовал исключительно сам лорд Шервуда.

– Когда враждуют благородные люди, в конце концов они могут стать друзьями, – тихо сказала Марианна, внимательно глядя на Гая.

Он обернулся к Марианне так резко, словно его ужалили ее слова, и смерил ее изумленным взглядом.

– Помилуй тебя Бог, принцесса! – воскликнул Гай. – Кого ты назвала благородным человеком? Ты полагаешь, что молва напрасно величает его Шервудским Волком?!

– Людская молва склонна к преувеличениям, – спокойно ответила Марианна, не сводя с Гая таких же спокойных глаз.

– Не соглашусь с тобой! – горячо возразил он, угодив тем самым в ловушку.

– Значит, молва так же права и в отношении тебя? – усмехнулась Марианна, и Гай понял, что девушка имеет в виду прозвище Ноттингемский Пес, данное той же молвой ему самому.

Невилл тоже понял намек дочери и, недовольный ее дерзостью, бросил на Марианну предостерегающий взгляд. Лончем, также уловив смысл ее вопроса, ошеломленно посмотрел на Марианну, не зная, чему удивляться: то ли бесстрашию, то ли неведению о том, что Гай Гисборн не прощает подобных насмешек. Клэрэнс же, напротив, едва заметно улыбнулась и бросила на подругу взгляд, в котором читалось восхищение. Не замечая, как на нее устремились три пары глаз, исполненные самых разных чувств, Марианна пристально смотрела на Гая, ожидая ответа.

И тогда Гай, безмерно удивив и Невилла, и Лончема, и Клэрэнс, взял руку Марианны в свою и прикоснулся к ней губами.

– Будь справедлива, принцесса! Ведь до сих пор ничто и никто не подтвердил тебе это прозвище!

– Милорды, пора отходить ко сну! – поспешно сказал Невилл, испытав облегчение от того, что вспыхнувший было спор угас, не разразившись грозой. – Мы с Марианной приглашены на праздник в честь помолвки дочери шерифа и рано утром должны отправиться в путь. Но Фледстан к вашим услугам так долго, как вы желаете пользоваться моим гостеприимством.

– О, так ведь и мы с сэром Гаем следуем в Ноттингем за тем же, – оживленно ответил Лончем, искоса поглядывая в сторону Марианны. – Давайте отправимся вместе! Столь приятное общество скрасит дорогу нам всем.

Марианна уже давно поняла, что Лончем обращает на нее особое внимание, и сейчас догадалась, что причина его оживленности заключалась именно в ней. Незаметно вздохнув, она с досадой прикусила губу, понимая, что дальняя поездка верхом на этот раз не принесет ей радости – едва ли отец откажет Лончему в совместном пути. Она поднялась с кресла и оказалась лицом к лицу с Лончемом, который, склонив голову в учтивом поклоне, тут же завладел рукой Марианны.

– Вы позволите мне проводить вас до ваших покоев? – спросил он самым любезным тоном и склонился к ее руке.

Она с негодованием почувствовала, как он, не удовольствовавшись учтивым поцелуем, чересчур жарко припал губами к ее ладони, и выдернула руку из его руки.

– Это совершенно излишне, милорд! Едва ли я заблужусь в отчете замке. Поспешим, леди Клэрэнс, нам еще надо собраться в поездку!

Клэрэнс присела в изящном реверансе перед сэром Гилбертом и гостями и, подхватив пышный подол платья, убежала вслед за Марианной, которая упорхнула из залы, словно стремительная легкая птица.

Придя в свои комнаты, Марианна первым делом вынула заколки и с облегчением помогала головой так, что волосы привольно рассыпались по плечам, груди и спине. Вошедшая следом Клэрэнс зажгла свечи, осветившие роскошные гобелены на стенах, дорогую изысканную мебель: сэр Гилберт не жалел денег на убранство покоев единственной дочери.

– Как же я устала! – пожаловалась Марианна. – А еще завтра придется целый день терпеть общество Роджера Лончема!

– Да уж! – с усмешкой отозвалась Клэрэнс, распахнув двери гардеробной и осматривая наряды Марианны, чтобы отобрать те, которые надо было упаковать для поездки в Ноттингем. – Он весь вечер смотрел на тебя так, словно хотел проглотить, как кот мышку!

– Только я встречалась с ним взглядом, как чувствовала себя раздетой донага! – с негодованием фыркнула Марианна. – Что за беда? Неужели мужчины не могут хотя бы ради приличия скрывать одолевающую их похоть? Им кажется, что девушка должна растаять от восторга, заметив, что она явилась предметом их плотских вожелений. Пожалуй, один лишь Гай не испытывает низменных помыслов и воздерживается от откровенных взглядов.

Услышав это имя, Клэрэнс отшвырнула в сторону платье, которое собиралась отложить для предстоящего праздника, и резко обернулась к Марианне, окинув подругу осуждающим взглядом.

– Ты играешь с огнем, Марианна! – воскликнула она, и теперь в ее голосе не было и намека на кроткий нрав. – Сколько раз мне предостерегать тебя от доверия к Гаю Гисборну? Вольно тебе забавляться дружбой с тем, кто прослыл сущим исчадием ада! Если тебе, несмотря на мои слова, продолжает нравиться его общество, все равно непростительно забывать об осторожности и дразнить его. К чему были твои намеки на его прозвище Пса?

– К чему были его намеки на Волка? – тихо ответила Марианна. – Он сам меня спровоцировал. Если бы не отец, мне бы удалось узнать о Гае больше и помочь ему лучше узнать себя. Ты постоянно твердишь мне, что он жесток, а его душа обращена к мраку. Но я все равно ощущаю в нем всполохи света. Он словно пытается выбраться из тьмы, что засасывает его, и смотрит на меня так, будто только я могу его спасти.

– Только ты и видишь эти проблески света! – с негодованием отрезала Клэрэнс. – Но это твои иллюзии! Ты просто не знаешь, насколько он жесток и до какой степени Пес. Иначе ты воздержалась бы от того, чтобы дразнить его, и отвергла бы его дружбу. Да, он смиряется при тебе! Он, как пес, которым его называют, ползает у твоих ног и скулит, моля о ласке. Но как долго хватит его терпения и приязни, если ты и впредь станешь так откровенно выказывать симпатии к вольным стрелкам, как сегодня?

– Не тебе о том говорить, – с тайным значением ответила Марианна.

Клэрэнс опустила на ковер возле ног Марианны и прижала ее ладонь к своей щеке.

– Да, – еле слышно прошептала она, – у меня в Шервуде брат, которого я люблю всем сердцем. Но ведь у тебя там никого нет! Так зачем ты навлекаешь на себя опасность, вступаясь перед Гисборном за лорда Шервуда?

Марианна отложила гребень и погладила Клэрэнс по белокурым косам.

– Ты вернулась во Фледстан с моей свитой?

Клэрэнс грустно улыбнулась.

– Ты сама понимаешь, что нет, я вернулась позже. Судя по улыбкам ратников, они решили, будто у меня завелся дружок, коль скоро я уехала из Фледстана вместе с тобой, а потом целую неделю пропадала, не добравшись до замка сэра Уилфрида. Хорошо хоть сэру Гилберту никто не рассказал о моей отлучке, а то он тут же спровадил бы меня подальше от тебя – в бельевую или на кухню!

Отгнав грустные мысли небрежным взмахом руки, Клэрэнс легко поднялась с колен и подошла к столу, на котором Марианна, торопившаяся выйти к гостям, оставила подаренную отцом книгу. Открыв наугад страницу, Клэрэнс вполголоса прочла:

Ненастью наступил черед,
Нагих садов печален вид,
И редко птица запоеет,
И стих мой жалобно звенит.
Да, в плен любовь меня взяла,
Но счастья не дала познать.
Любви напрасно сердце ждет,
И грудь мою тоска щемит!
Что более всего влечет,
То менее всего сулит.
А мы за ним, не помня зла,
Опять стремимся и опять.⁴

– Какие чудесные стихи! Положи их на музыку и порадуй нас новой песней! – мечтательно вздохнула она, закрывая книгу.

– Да что ты, Клэр?! – прыснула смехом Марианна. – От песни с такими словами все слушатели будут рыдать, как на похоронах!

Но Клэрэнс, глубоко задумавшись, не услышала ее ответа.

– Клэр, ты ничего не рассказываешь мне о брате, – прервала молчание Марианна. – Ты даже никогда не называла его имя. Ты не доверяешь мне?

Не удивившись ее вопросу, Клэрэнс жарко воскликнула:

– Прошу тебя, не думай так! Родная сестра не могла бы стать мне ближе, чем ты. Но я не хочу даже случайно подвергнуть его опасности. В Шервуде есть еще одно правило, о котором не знает или молчит Гисборн: Шервуд знает все, о Шервуде не знает никто. Я не видела брата все годы, которые мы с тобой провели в монастыре. И вот мы вернулись. Я пошла в церковь, и вдруг туда пришли люди в зеленых куртках. Все, кто был в церкви, зашептали: «Вольные стрелки! Шервудские разбойники!» Я испугалась. Помнишь, пока мы с тобой жили в монастыре, ходили разные слухи о шервудских стрелках? Одни люди говорили, что они добры и справедливы, помогают тем, кто попал в беду из-за произвола властей. А другие, напротив, утверждали, что они жестокие и беспощадные ко всем. Я сочла за лучшее убежать – немедленно и как можно быстрее! Стараясь остаться незамеченной, я выбралась из собора и побежала по тропинке к коновязи, где оставила лошадь. Но они словно по волшебству возникли прямо передо мной. Я едва не закричала от страха, как вдруг один из них поймал меня в объятия, рассмеялся и, поцеловав, сказал: «Ты не узнала меня, сестренка?»

Клэрэнс говорила, улыбаясь и не замечая, что по ее щекам бегут слезы. Марианна села возле нее на расстеленный по полу ковер и обняла. Прильнув мокрой от слез щекой к плечу подруги, Клэрэнс шептала, устремив вдаль невидящий взгляд:

– Я узнала его, Марианна! Ему сказали, что я вернулась, и он разыскал меня. Но почему он – и вне закона?! Он всегда был для меня олицетворением справедливости и добра, и он – шервудский стрелок! Если он вдруг попадет в руки шерифа или Гисборна, ему не будет пощады. Никого из шервудских стрелков не пощадят, не помилюют, если захватят в плен. И они знают, что прощения ждать не придется. Что же делается в Ноттингемшире, во всей Англии, если именно им не приходится рассчитывать на помилование?!

– Почему твой брат ушел в Шервуд?

– Потому что он слишком горд, чтобы склонить голову перед теми, кто устанавливает порядки Гисборна: либо ты свободен, но вне закона, либо ты раб. И теперь я вижу с ним

⁴ Начало канцоны (любовной песни) Серкамона, французского трубадура XII века. Перевод В. Дынный.

так редко, украдкой, когда он даст мне знать, что наша встреча возможна! Он пробыл со мной почти неделю, отлучаясь по делам и возвращаясь, но это было такое счастье! Счастье быть рядом с ним... Ведь он – единственный мой родной и любимый человек. А теперь кто знает, когда мы свидимся? Да будет ли он вообще жив, когда я снова услышу о нем?

– А что же ваш отец? – насторожилась Марианна. – Ты ведь говорила, что встречаешься с братом у него, а не в Шервуде? Почему ты не говоришь о нем, словно вы с братом одни на всем свете?

– Потому что так и есть, – помедлив, ответила Клэрэнс. – Тот, кого во Фледстане считают моим отцом, в действительности ратный наставник моего брата. Отец же погиб много лет назад. Брат и я решили никого не обременять лишними знаниями о нас. Благородства крови нашего наставника оказалось достаточным, чтобы твой отец принял меня и отправил воспитываться вместе с тобой в обитель.

– И это все, что ты можешь открыть мне о себе? – с упреком спросила Марианна. – Все эти годы отец считал тебя дочерью одного из не слишком родовитых рыцарей, но, кажется, пребывал в заблуждении?

Клэрэнс в ответ припала губами к рукам Марианны, безмолвно прося не задавать лишних вопросов. Вспомнив, сколько сынов и дочерей знатных саксонских семей оказались выброшенными из родовых замков и пополнили число изгоев, Марианна только вздохнула и прильнула лбом ко лбу подруги.

– Прости, – сказала она, – я больше не задам тебе неловких вопросов. Но если разлука с братом для тебя так тяжела, почему он не оставит тебя в Шервуде? Я слышала, там есть женщины.

– Он не хочет, – вздохнула Клэрэнс, – хоть я и просила его об этом.

– Но ты можешь попросить о том же лорда Шервуда, – возразила Марианна. – Если он прикажет твоему брату, тот не посмеет ослушаться. Если, конечно, все, что сегодня говорил о лорде Шервуда Гай, было правдой.

– Все, что сказал Гисборн о лорде Шервуда, правда, – бесстрастно подтвердила Клэрэнс. – И я просила лорда Робина о том, чтобы мне было дозволено остаться в Шервуде. Но он ответил, что мне безопаснее оставаться во Фледстане под твоим покровительством.

Марианна вздрогнула от неожиданности и удивленно посмотрела на Клэрэнс. Та от души рассмеялась, заметив изумление в глазах подруги.

– Чему ты удивляешься, Марианна? О ком больше всех говорят в каждом доме Ноттингемшира? О тебе! Все называют тебя Прекрасной Саксонкой. Ты покорила многих и многих добротой и самоотверженностью, когда затворилась в Руффорде, чтобы помочь его жителям в борьбе с болезнью. Так могла ли ты остаться незамеченной для шервудских стрелков, которые знают все и обо всех?

За разговорами они незаметно для себя закончили сборы в дорогу, уложили одежду, и Клэрэнс согрела вина, густо сдобренного пряностями. Забравшись с ногами на низкую кушетку и закутавшись вдвоем в меховое покрывало, девушки потягивали горячее вино, молча радуясь дружеской близости.

– Клэр, ты помнишь, Гай назвал Малютку Джона левой рукой лорда Шервуда? – начала Марианна и, когда Клэрэнс согласно склонила голову, спросила: – Но кто же правая рука?

– Вилл Скарлет, – ответила Клэрэнс и неодобрительно поджала губы. – Его же имел в виду Гисборн, говоря о том, кто единственный может противостоять лорду Робину в сражении на мечах.

– Кажется, ты не очень-то его жалуешь, – заметила Марианна, от внимания которой не укрылось неудовольствие Клэрэнс.

– Я его терпеть не могу, – с внезапной откровенностью призналась Клэрэнс, – и никогда не могла понять, за какие достоинства его так жалуется лорд Робин и прощает ему гордость, на которую нет ни малейших оснований, зато бед случалось больше, чем могло бы случиться!

И Клэрэнс упрямо вздернула маленький твердый подбородок, всем своим видом выражая высокомерную непримиримость.

– А что ты думаешь, Клэр, о том, почему Гай и лорд Шервуда так ненавидят друг друга? – вдруг спросила Марианна.

– Я полагаю, лорд Робин не испытывает к Гаю Гисборну ненависти, – после недолгого размышления отозвалась Клэрэнс. – Однажды он в моем присутствии сказал, что ненависть – недостойное и губительное чувство. Она, словно яд, пропитывает и умертвляет душу. Я слышала то, что сегодня сказал Гисборн. В чем-то он близок к истине, но при этом сам путается в том, кто на стороне Хаоса, а кто защищает Порядок. Если ты спрашиваешь мое мнение, оно в том, что лорд Робин – воин Света, а Гисборн – слуга Тьмы. Судя по словам Гисборна, он и сам понимает это, хотя не хочет принять правду о себе. И в этом ему мешаешь ты! – довольно жестко добавила она. – Твое дружелюбие внушает Гисборну иллюзии, что он не тот, кто есть в действительности.

– Какой же он, по твоему мнению? – тихо спросила Марианна.

– Жестокий и беспощадный, – решительно ответила Клэрэнс. – Ты видела его глаза, когда он говорил, что казнит лорда Шервуда без помощи Лончема? Так вот, если лорду Робину, не приведи Господь, изменит удача и он окажется в руках Гисборна, тот растерзает его, не доведя до эшафота. Гая Гисборна надо бояться, и в том не будет стыда.

Марианна как наяву увидела лорда Шервуда – статный силуэт воина в ореоле лучей заходящего солнца, улыбку, притаившуюся в уголках рта, лукавые золотые искорки, вспыхивавшие в синих глазах. Светлый Страж из древних валлийских легенд... «Ты не можешь погибнуть, – подумала она, – ведь в тебе так много жизни! Пусть у нас разные пути, но мне будет невыносимо больно, если с тобой что-нибудь случится!»

– Гай говорил о нем так, словно давно и хорошо знает его, – задумчиво сказала Марианна и печально покачала головой. – Впрочем, ненависть – чувство, равное по силе любви.

– Они и в самом деле давно знакомы друг с другом, – ответила Клэрэнс, с видимым усилием преодолев себя в соблюдении правила Шервуда о скрытности. – Гисборну нельзя отказать ни в уме, ни в проницательности, но все же ему не дано постичь действительный мир Шервудского леса. Он знает, что вольные стрелки преданы лорду Робину, но не понимает причины преданности. А она в том, что и он предан каждому из них так же, как они ему, – до последнего вздоха. Гисборну никогда не постичь этой истины – для него весь мир навсегда поделен на сословия, и он не в силах увидеть равного в том, кто не равен ему по рождению.

В то же самое время Гай Гисборн, внушавший Клэрэнс такую неприязнь, о чем не ведал сам, вертел в руке пустой кубок и размышлял, как бы деликатно намекнуть Лончему, что час поздний, а путь предстоит длинный и вставать придется засветло. Они оба уже расположились в отведенных им для ночлега покоях, где в камине был заранее разведен огонь, согрето отменное вино, а на широком серебряном блюде высилась горка орехов и сваренных в меду ломтиков яблок и груш. Но, несмотря на то, что все способствовало приятному продолжению вечера, Гая клонило в сон, а Лончему хотелось говорить, что он и делал.

– Ах, какая девушка! Что за красавица! – восхищенно твердил он, расхаживая по комнате. – От ее лица невозможно оторвать взгляд. Изящнее фигуры, чем у нее, я ни у кого не видел. А ее стан – он так тонок, что я мог бы обхватить его ладонями! А губы? Они прямо-таки манят впиться в них поцелуями! И какая очаровательная холодность! Поверь, Гай, под этой маской сдержанности горит настоящий огонь. В постели она будет великолепна!

Заметив, как при этих словах Гай брезгливо поморщился, Лончем бросил в его сторону долгий, внимательный взгляд.

– Не приветствуешь в женщинах пылкость?

Гай нехотя пожал плечами.

– Отчего же? Приветствую. В простолюдинках и продажных девках, Роджер. Но благородной даме не позволительно уподобляться низким тварям. Поэтому твой отзыв о леди Марианне, к которой я отношусь с уважением, считаю попросту оскорбительным.

Ничуть не задетый обвинением в неучтивости, Лончем расхохотался и снисходительно похлопал Гая по плечу.

– В таком случае, ты ничего не понял в этой девице при всем твоим уважением к ней. Она заставит желать себя снова и снова, и я в том не вижу греха в отличие от тебя. Раны господни! Да у меня кровь в жилах вскипела, едва лишь я прикоснулся к ней! И продолжает кипеть, когда я вспоминаю, какая у нее кожа – чистый шелк. Она должна быть моей, и я добьюсь ее, чего бы то ни стоило.

– То, что хорошо для любовницы, обычно не приветствуется в жене, – заметил Гай, надеясь остудить пылкий поток слов и чувств Лончема.

– А кто говорил о женитьбе?! – изумился Лончем. – Вот уж и в мыслях не держал – унизиться до брака с саксонкой, будь она даже так хороша собой, как леди Марианна!

Услышав эти слова, Гай замер, подобравшись, словно готовый к прыжку зверь. Вся дремота слетела с него в один момент.

– Если ты строишь бесчестные планы в отношении леди Марианны, изволь немедленно выбросить их из головы! – сказал он тихо и отчетливо, впившись в Лончема угрожающим взглядом. – Эта девушка стоит короны Англии, и я не дам ее в обиду даже тебе.

От такой отповеди Лончем впал в замешательство. Они с Гаем Гисборном были знакомы достаточно близко, чтобы даже в малости не заподозрить Гисборна в подобной щепетильности, тем более по столь ничтожному в понимании Лончема поводу.

– Гай, в чем причина твоего гнева? Добро бы я не знал, что ты смотришь на саксонских девиц ровно так же, как и я, – трофеи, принадлежащие нам по праву победителей! Да, леди Марианна – не простолюдинка, но ведь и не принцесса, хоть ты ее так называешь.

– Я называю ее принцессой потому, что она и есть принцесса, – холодно ответил Гай. – Принцесса крови правящего дома Уэльса. Ее покойная мать – родная сестра принца Ллевелина. Брат леди Марианны носит титул графа Линкольна. На твоём месте, Роджер, я бы не стал сбрасывать его со счетов. Пусть он входит в число любимцев короля Ричарда, но принц Джон отзывается о нем с уважением. Род Невиллов ведет начало от королевского дома Нортумбрии⁵, если тебе это о чем-то говорит. Добавь ко всему услышанному богатство сэра Гилберта Невилла и его влияние на знатные саксонские фамилии, которые придут в возмущение, если ты поступишь с леди Марианной как с простолюдинкой. Сэр Рейнолд не будет тебе благодарен за то, что твоими усилиями в графстве нарушится мир. А теперь подумай и ответь: ты действительно хочешь устроить скандал?

Раздумывая над тем, что сказал Гай, Лончем несколько минут молчал, потом хмыкнул и пожал плечами.

– Ну а почему бы и не брак? Сколько мне еще вдоветь? Давно пора найти подходящую невесту! После того что ты рассказал, думаю, леди Марианна вполне годится стать мне супругой. За ней дадут хорошее приданое, родственные связи с Уэльсом тоже лишними не будут. Принц Ллевелин сейчас утверждает свою власть, и если я ему помогу, вряд ли он окажется неблагодарным к союзнику и родственнику.

Гай лишь покачал головой. Его спутник так быстро пришел к решению, абсолютно противоположному намерению, которое имел в начале разговора, что не оставлял сомнений

⁵ Одно из семи королевств так называемой англосаксонской гептархии (семицарствия), которое возникло на севере Британии.

в том, насколько сильным было его желание заполучить понравившуюся девушку так или иначе. Впрочем, Лончем всегда отличался горячим нравом и решимостью в достижении цели, поэтому Гай не был удивлен и теперь с насмешливой снисходительностью наблюдал, как менялось выражение лица Лончема: задумчивость, решительность, воодушевление и внезапная настороженность.

– Постой! Что ты имел в виду, сказав, что не все в ней хорошо для жены?

Гай рассмеялся и, словно не замечая вопросительного взгляда Лончема, неторопливо подошел к камину, сел в кресло и вытянул ноги к огню, с видимым удовольствием всем телом впитывая тепло.

– Как тебе понравилось ее умение играть в шахматы? – осведомился он в тот момент, когда Лончем уже был готов взорваться от негодования на промедление с ответом на заданный им вопрос.

– При чем здесь шахматы? – непонимающе переспросил Лончем, садясь в кресло напротив.

– Притом, Роджер, что леди Марианна знает и умеет многое из того, что считается лишним для девиц. Ты помнишь, она ответила тебе, что владеет грамотой? – и, когда Лончем кивнул в ответ, Гай пояснил: – Она не просто обучена грамоте, а и письму, и чтению, и счету. Еще она свободно владеет латынью, греческим, французским языком и несколькими диалектами, которыми пользуются в Англии и в Уэльсе, без особенных усилий переводит арабские тексты. Да и счет – не обычный счет: она сведуща не только в арифметике, но и в геометрии. Прими к сведению, что она равноправная советница отца в управлении фамильными владениями, и он настолько доволен ею, что доверил дочери разбирать вместо себя судебные тяжбы. Он не жалеет денег на рукописи: она любит читать. Но чтение, конечно, не целиком заполняет ее досуг. Верховая езда – одно из ее любимейших занятий. Она прекрасно держится в седле и может усмирить любого коня. Кроме прочего, она весьма метко стреляет из лука и даже умеет фехтовать. Однажды ради забавы я поддался на ее уговоры и провел с ней тренировочный бой на мечах. Конечно, примени я полную силу, она бы против меня и пяти минут не продержалась, но задатки у нее есть, и весьма неплохие!

По мере того как Гай перечислял знания и умения Марианны, глаза Лончема от удивления становились все шире, а брови поднимались все выше, так что Гай от души расхохотался.

– Для чего ей дали такое странное воспитание? К чему все эти изыски и причуды женщине, чье дело рожать детей и вести хозяйство?

– Я задавал сэру Гилберту те же вопросы. Он ответил, что хорошая хозяйка не сможет управлять имением, если не знает ни грамоты, ни счета, ни законов, не в силах начертить планы и правильно рассчитать пропорции, – пожал плечами Гай.

– А владение оружием? Чтобы самой защищать свои земли и замки от нападений? – недоверчиво хмыкнул Лончем. – Что он тебе на это сказал?

– Сказал, что времена нынче смутные, и он не находит ничего дурного в том, что девушка сумеет сама постоять за себя.

– Ну и ну! – покрутил головой Лончем. – Удивил, Гай! Диковинка, а не девица! А какие-нибудь сугубо женские умения ей присущи?

– Отчего же нет! – охотно ответил Гай. – Хорошо шьет и вышивает, умеет врачевать, разбирается в лекарственных травах, грациозно танцует, бесподобно играет на лютне и поет так, что все как зачарованные готовы слушать ее пение бесконечно.

Вторая часть рассказа вернула Лончему хорошее настроение.

– Лечит, танцует, поет, вышивает – самая обычная девица! – он благодушно улыбнулся. – Отец избаловал ее. Обвенчаемся, увезу ее в Лондон, послежу, чтобы книг было поменьше, а шитья побольше. Потом дети пойдут, и вся эта блажь вылетит у нее из головы. Все просто, Гай.

Громко вздохнув от удовольствия, что никаких действительных недостатков в будущей супруге он не нашел, Лончем по примеру Гая вытянул ноги к камину и довольно закрыл глаза.

– Не просто, Роджер, – вывел его из умиротворения холодный голос Гая. – Владению оружием она училась не по настоянию отца – ей самой нравится перенимать воинские навыки. Ее чтение – не только куртуазные романы, но и хроники, и даже теологические и философские трактаты. И она не просто лечит. В знании секретов как медицины, так и приготовления лечебных снадобий и мазей ей нет равных, она лучшая целительница в Ноттингемшире. Но и это не все.

– Что же еще? – поморщился Лончем, не чувствуя себя настолько тщеславным, чтобы гордиться тем, что будущую супругу почитают первой врачевательницей хотя бы и одного графства.

– В середине осени сэр Гилберт отправился по делам в Уэльс, оставив дочь одну на целый месяц. Едва он уехал, как одно из селений на землях Невиллов поразила болезнь, которая сводила в могилу того, кто ею заразился, за три-четыре дня. Знаешь, что сделала леди Марианна? Она поехала в это селение и оставалась там до тех пор, пока болезнь не пошла на убыль.

– Что за причуды?! – вскричал Лончем. – Она ведь могла сама заразиться и заболеть!

– Она и заболела, – усмехнулся Гай. – Вернувшийся к этому времени сэр Гилберт бросился за ней и нашел ее при смерти. Не знаю, что ее спасло. Не иначе как чудо да молитвы отца. Когда я спросил ее, в чем причина такой ненужной смелости, она мне ответила только одним словом, – и, встретив выжидательный взгляд собеседника, Гай произнес, невольно повторив гордую интонацию самой Марианны: – Долг!

– Долг! – только и смог повторить вслед за Гаем ошеломленный рассказом Лончем и покачал головой, выражая и осуждение, и совершенное непонимание открывшихся ему черт Марианны.

– Так нужна ли тебе такая жена, Роджер? – насмешливо спросил Гай, не спуская с Лончема по-прежнему снисходительных глаз. – Не лучше ли послезавтра в Ноттингеме распрощаться с ней и забыть о самом ее существовании?

Лончем ответил ему очень внимательным взглядом и отчетливо повторил:

– Спасло ее чудо да молитвы отца... И твои молитвы, да, Гай?

Гай ничего не сказал, но его взгляд перестал быть снисходительным. Заметив это, Лончем негромко и совсем не по-доброму рассмеялся.

– Она нравится тебе, очень нравится, и такая, как есть. Ее недостатки – а ведь это и впрямь недостатки! – ты перечислял почти с восхищением. Странно, Гай! Ты не влюблен в нее, она не вызывает в тебе желания, но почему-то весьма занимает тебя. Почему?

– Меня привлекает ее нрав, Роджер, независимый и свободолюбивый, как у сокола, – улыбнулся Гай. – Ее дух, тонкий и нестигаемый, как клинок из лучшей стали. Ее ум, развитый, острый, наблюдательный. И ее бесконечно доброе сердце.

– Соколов приручают, любому клинку можно подобрать ножны. Глупая жена не самое большое счастье, а доброе сердце лишь украшает женщину. Так что, ты меня не убедил – я женюсь на леди Марианне. Выпей со мной за здоровье моей невесты!

Лончем поднялся, разлил вино по высоким кубкам и подал один Гаю, который тоже встал с кресла и теперь стоял перед Лончемом, глядя на него с легкой усмешкой.

– Но она тебе пока не невеста, Роджер. Ты торопишься называть ее своей. Я выпью с тобой, но просто так.

– Какой же ты педант! – шумно вздохнул Лончем, показывая всем видом, то сомнения Гая утомили его до крайности. – Я завтра же поговорю с ее отцом, и не думаю, что он мне откажет.

– Конечно нет. Он не откажет и не даст согласия, а предложит тебе поговорить с самой леди Марианной, потому что его слово целиком зависит от ее воли.

– Что за глупость?! Ты смеешься надо мной? – так и не пригубив кубок, Лончем поставил его обратно на стол.

Гай же, напротив, с удовольствием сделал глоток. Замешательство обычно такого самоуверенного Лончема забавляло его: там, где он почти освоился, Лончем спотыкался на каждом шагу, как слепой в лабиринте.

– Нет, Роджер, отнюдь не смеюсь. Сэр Гилберт предоставил дочери право сделать самостоятельный выбор. Именно так! – подтвердил он, встретив откровенно недоверчивый взгляд Лончема. – Она первая красавица графства, и ей сделал предложение, наверное, каждый из неженатых и равных ей рыцарей. Но никто пока не нашел дорогу к ее сердцу. В начале февраля ей исполнится восемнадцать, а она все еще не замужем.

– А ты, Гай? Ты тоже делал ей предложение? – неожиданно спросил Лончем, впившись взглядом в лицо Гая, не слишком рассчитывая на ответную откровенность.

Но Гай, грустно улыбнувшись, ответил с внезапной прямоотой:

– Я сделал ей предложение в первый же месяц нашего знакомства. Я был очарован ею, как ароматом весенних цветов.

– И она отказала тебе? Почему? Ведь ты богат, родовит, к тебе благоволит принц Джон, и только сэр Рейнольд пребывает в заблуждении, кто на самом деле олицетворяет власть в Ноттингемшире!

– Она сказала, что наш брак не будет удачным, – кратко отозвался Гай, и его лицо приняло замкнутое, отчужденное выражение.

– И только?! – искренно удивился Лончем. – И ты согласился с таким смехотворным отказом?

– Согласился и не считал его смехотворным: она это так сказала! Даже с сочувствием, что вынуждена огорчить меня. Ты не поймешь меня, Роджер, но таким отказом она еще больше очаровала меня. Я стал искать с ней встреч и, чтобы она не сочла меня навязчивым искателем ее благосклонности, сумел убедить ее в своей дружбе. Сам же изучал ее и пытался понять, что породило в ней уверенность в том, что мы не подходим друг другу. После ее затворничества в охваченном мором селении я подумал, что она права.

Лончем как в молитве возвел взгляд к потолку и сокрушенно заметил:

– Я тебя не узнаю, Гай! Ты – и такая чувствительность! Будто ты не смог бы привести ее к послушанию и укротить ее нрав?

– Разумеется, смог бы. Но, как ты верно подметил, она представляет для меня ценность такой, какая она есть. Я не хочу разрушать то, чем дорожу.

Лончем пристально посмотрел на Гая и, утвердившись в мелькнувшей у него догадке, рассмеялся:

– Я понял! Если меня влечет ее тело, то ты жаждешь обладать ее душой. Зачем тебе это, Гай?

– Потому что ее душа исключительно прекрасна, – ровным тоном ответил Гай, – а я люблю прекрасное.

– Особенно если это прекрасное безраздельно принадлежит тебе?

– Как получится. Даже если не принадлежит и никогда не будет принадлежать, я все равно намерен сейчас и впредь оберегать то, что меня восхищает, от любых угроз.

– Но что если она примет мое предложение? Как тогда ты поступишь?

Гай глубоко вздохнул и пожал плечами с видимым равнодушием.

– Я первый принесу поздравления вам обоим.

Лончем расплылся в улыбке и одобрительно хлопнул его по плечу.

– Вот это по-товарищески! Поняв твое истинное отношение к ней, я опасался встретить соперника в твоём лице, потеряв друга и союзника.

– Напрасные опасения, Роджер. Мы с тобой друг другу не соперники, – улыбнулся Гай, и Лончем уловил в его улыбке некий скрытый намек.

– Считаешь, если ты моложе, то все преимущества за тобой? – снисходительно спросил он. – Да, я старше тебя, но на моей стороне опыт. Я знаю, что в действительности нравится женщинам. Не просто восхищение, а всеобщий восторг, не только любезности, но и дорогие подарки. Я сумею справиться с этим нравом, который завел тебя в тупик. Еще не закончатся праздники в Ноттингеме, как я оглашу дату нашей помолвки, и она в этот момент будет стоять рука об руку со мной, сияя от счастья!

Гай вежливо прикрыл ладонью рот, словно скрывая зевок, а на самом деле – широкую улыбку, которую ему никак не удалось сдержать.

– Прости, я утомил тебя, – спохватился Лончем. – Ты прав, пора в постель. Хотя, признаюсь, я мог бы не спать до рассвета!

Не сдерживая радостного смеха, он прошел в свою спальню, обняв Гая на прощанье. Тот, проводив Лончема насмешливым взглядом, почти неслышно повторил:

– Ты не соперник мне, Роджер! Это не я – ты в ней не разобрался даже в самой малости. Если я правильно понимаю суть Марианны, у тебя впереди еще много ночей без сна. Но не от радостного предвкушения, а от горького разочарования в твоём пресловутом опыте, за который именно в этом случае я не дам ни пенса.

Глава вторая

Сказать, что Робин не был обрадован тем, кем Марианна оказалась на самом деле, значило попросту вообще ничего не сказать.

Встреча с ней случилась в один из череды странных для него дней. С одной стороны, в его душе царили спокойствие и полное довольство тем, как шли дела. Эти чувства не были сиюминутными: так он ощущал себя уже достаточно долгое время, когда понял, что Шервуд стал таким, каким он замыслил его сделать. Ему пришлось вложить не просто большое, а огромное количество сил и в саму организацию вольного воинства, и в каждого из стрелков, выстроить весь уклад жизни Шервуда и постоянно поддерживать то, что он создал, на высоте, которая удовлетворяла бы его самого.

Многочисленное, отлично вооруженное войско, неусыпная охрана леса, сложное и безукоризненно налаженное хозяйство – за всем этим вплоть до мелочей стоял он. Конечно, в одиночку он бы едва ли справился, но, к счастью, у него были верные друзья, которые оказывали ему постоянную и неоценимую помощь. И все же стрелки – все как один – были уверены, что за всем, что происходило в Шервуде и за его пределами, неустанно наблюдает он, лорд Шервуда. Иной раз он слышал за спиной шепотки о том, что он никогда не устает и даже не спит, а его силы беспредельны. Разумеется, это было не так, но он старался, чтобы его усталость – а она бывала иногда очень сильной – замечали только те, кому он позволял заметить.

У него изначально не было замысла стать во главе тех, кого отверг закон, а власти преследовали без всякой пощады. Он готовился к иным действиям, продуманным заранее и очень тщательно, и эти действия должны были в корне изменить его жизнь. Но его планам не суждено было сбыться – он оказался в Шервуде и был объявлен шерифом Ноттингемшира вне закона.

Робин не мог сетовать на слепой случай: то, что произошло с ним, произошло в результате его собственных поступков и из-за неизменности своей природы. И он не сетовал. Он мог бы вернуться к первоначальным планам, покинуть Шервуд, но принял решение остаться, а оставшись, сделать из Шервуда то, чем тот был сейчас. Заповедная территория, куда разрешен доступ не всем, но только с прямого или молчаливого согласия Робина. Обширный лесной край, охраняемый его воинами, которых народ почтительно именовал вольными стрелками, а шериф и его окружение называло разбойниками.

Ему было очень непросто создать это войско из разрозненных кучек изгнанников, которые действительно сильно смахивали на разбойников. Самое трудное было как раз убедить их собраться в такое войско и принять единую волю – его. Сначала Робина и слушать не хотели, галдя, как стая сорок, потом решили попробовать на нем свою силу, но потерпели поражение. И только тогда, когда убедились, что ни с оружием, ни голыми руками, ни по одному, ни несколькими сразу его не одолеть, они стали слушать. Выслушали и задали вопрос: говоришь, единственно твоя воля? А что ты дашь нам взамен? Он ответил: силу, с которой будут считаться, ратное умение, которое позволит защитить свою и чужую жизнь, и собственную преданность всем вместе и каждому в отдельности.

Они ответили согласием, и наступил его черед выполнять данные обещания. С помощью друзей, которые владели ратным искусством наравне с ним или немногим хуже него, он обучал людей, вверивших ему свои судьбы. Ученики становились учителями и сами приступали к обучению. Сколько тренировок провел он сам, сколько устроил состязаний на мечах, в стрельбе из лука, Робин не смог бы и сосчитать. Не жалуясь на усталость, он не желал слышать таких же жалоб и от остальных. Впрочем, они скоро перестали жаловаться, почувствовав, как вместе с силой к ним приходит уверенность. Но ему было мало их сил и уверенности в себе. Он хотел, чтобы они гордились собой, гордились самой принадлежностью к вольному воинству.

Он сам придумал шить для всех стрелков зеленые летние куртки, которые, с одной стороны, своим цветом надежно бы укрывали стрелков в лесу от чужих глаз, а с другой стороны, стали атрибутом Шервуда. Ему же принадлежала идея серебряного знака на рукаве куртки – знака вольного леса.

В то же самое время Робин сносился с торговцами оружием, лошадьми, сукном, кожей, зерном, протягивая к Шервуду нити, которые обеспечили бы бесперебойное снабжение вольного леса всем необходимым. Торговцам было все равно, кому отдавать товар, лишь бы за него платили звонкой монетой, а Робин платил щедро, не обманывая и не позволяя обмануть себя, что особенно возвышало его в глазах торгового люда.

Потом те же торговцы стали верными поставщиками самых разных новостей. Путешествуя по городам и селениям Средних земель, они узнавали о многом и делились узнанным с вольными стрелками, уже не требуя платы, лишь из доброго расположения к лорду Шервуда. Да и как им было иначе относиться к нему, если они не только сбывали ему большую часть своих товаров, но и знали, что благодаря лорду Шервуда, а не шерифу дороги стали безопасными?

Но охрана дорог, как и многое другое, – все это было потом. А вначале он кропотливо, день за днем и ночь за ночью строил свою державу, и ни шериф, ни Гай Гисборн не подозревали, какая грозная сила растет и набирает мощь прямо у них под боком. Могли бы насторожиться, узнай, что он, Робин, жив и скрывается в Шервуде. Но нет, они были убеждены в его гибели и по-прежнему считали всех, кто скрывался в лесах, кучкой жалких бродяг. Ему же их пренебрежение было только на руку, и он настрого запретил стрелкам обнаруживать себя и тем более ввязываться в столкновения с ноттингемскими ратниками. Собственных денег ему пока хватало на то, чтобы вооружать, одевать и кормить свое войско хлебом. Мясом же щедро снабжал сам Шервудский лес, изобиловавший дичью. Только через год Робин уверился в готовности стрелков дать достойный отпор любому ратнику и тогда наглядно показал шерифу и Гисборну, кто в Ноттингемшире хозяин.

Для первого раза он предпринял вылазку в селение, куда приехали сборщики шерифа выколачивать из жителей надуманную недоимку. Шерифу были нужны деньги, и он не побрезговал самочинно увеличить годовые подати. Для устрашения жителей селения сборщиков сопровождал отряд ратников, и разбить этот отряд не составило для вольных стрелков особого труда. Когда до шерифа дошла весть о случившемся, он отправил в Шервуд большой отряд, который должен был найти и убить наглецов, осмелившихся чинить препятствия его сборщикам. Посланный шерифом отряд не вернулся.

Тогда сэръ Рейнолд уже всерьез обеспокоился и затеял настоящую карательную экспедицию. Она тоже закончилась крахом: ратники бежали от леса до самых стен Ноттингема со всех ног, роняя оружие, которое потом заботливо подобрали вольные стрелки: оружие никогда не бывает лишним. Сразу же, не давая врагам опомниться, шервудское войско атаковало замок Гисборна. Идея разрушить замок принадлежала не Робину – на этом настаивали его самые близкие друзья, и особенно Вилл Скарлет. Они были в своем праве, и Робин согласился. Когда замок охватило пламя, Гай Гисборн узнал, кого называют лордом Шервуда. Тогда враги Робина спохватились и стали очень серьезно относиться к вольному лесу, но было поздно.

Он взял под контроль все дороги Ноттингемшира. Сборщики шерифа или епископа могли закрываться копьями и мечами ратников, жарко молиться, но ничто не спасало их от встречи с воинами лорда Шервуда. Большая часть налогов стала уходить в Шервуд, а казна получала то, что Робин считал нужным оставить шерифу.

Гай, твердо намерившись покончить с лордом Шервуда в самое короткое время, предпринял несколько вылазок в лес, но каждый раз убеждался в том, что границ, установленных Робин, ему и его ратникам не преодолеть.

На первых порах и шериф, и Гай всерьез ожидали, что лорд Шервуда пойдет штурмом на Ноттингем, чем изрядно повеселили Робина. Ему действительно не составило бы труда взять

город, но это не входило в его планы. Шерифу и Гаю Гисборну пришлось смириться с существованием вольного Шервуда, поскольку признаться в собственной слабости принцу Джону они не хотели. За голову Робина была объявлена щедрая награда, за каждого из вольных стрелков – награда, меньшая в разы. Потом список имен вырос, размер наград увеличился, но еще никто ни разу не польстился на деньги, обещанные шерифом, и ни один вольный стрелок не был выдан властям.

Конечно, его войско несло неизбежные потери, но они постоянно восполнялись новыми изгнанниками, которым не было иного убежища, кроме Шервуда. Но Робин принимал не каждого, кто просил его о зеленой куртке вольного стрелка. Сначала он выслушивал новичка, взвешивая на собственных душевных весах причину, по которой стоявший перед ним человек оказался вне закона. Если он приходил к решению, что закон был нарушен без веских на то оснований или нарушение было таким, что его нельзя оправдать никакой причиной, то вольные стрелки могли сами под покровом ночи доставить виновного к слугам шерифа, а то и исполнить приговор вместо них.

Постепенно тайная власть лорда Шервуда распространилась не только на Ноттингемшир, но и за его пределами. Могло показаться странным, но в Средних землях неожиданно наступил порядок. Челядь обедневших лордов больше не нападала на путников и обозы, девушки и честные женщины могли покидать селения и города, не опасаясь быть подвергнутыми насилию, меньше стало воровства и убийств. Сэр Рейнолд, не признаваясь себе в том, в глубине души был даже доволен, что лорд Шервуда взял на себя большую часть его обязанностей. Нет, он не был благодарен Робину, поскольку тот регулярно перехватывал не только часть собранных налогов, но и доходы, которые шериф считал личными. Но сэр Рейнолд был уже немолод, стремился к покою, а не к постоянным сражениям, и потому не питал такой одержимой ненависти к лорду Шервуда, как Гай. Тот выходил из себя при одном лишь упоминании о вольном Шервуде, и тем более о самом Робине. Гай был уверен, что цель Робина – отнять власть у него и унижить его в глазах всего графства. Поэтому он неустанно искал лазейки в защите Шервуда, но всякий раз безуспешно, и уже не первый год лорд Шервуда отбивал любую атаку, какой бы хитроумной она ни была.

Гай, уму и проницательности которого Робин отдавал должное, ошибался. Цели унижить его у Робина не было, как и соперничества за власть. Гай хотел убить его, но не сумел. Поскольку Гай в своих намерениях не преуспел, постольку Робин продолжал жить и обустроивал свою жизнь так, как считал нужным. Жить иначе он не считал себя вправе.

Вольный Шервуд стал той силой, которую он решил создать и создал. Врагам Робина пришлось безмолвно признать свое бессилие разгромить войско лорда Шервуда и одержать верх над ним самим. Пока он достиг всего, чего желал, и был доволен и жизнью, и собой. С одной стороны. А с другой, его спокойствие стало нарушать какое-то неясное волнение, природе которого он не мог себе объяснить. Это волнение раздражало, дела могли отвлечь от него, но оно никуда не исчезало, закрадываясь в душу вновь и вновь.

– Робин, тебе пора влюбиться! – заявила ему жена друга, сопроводив слова звонким смехом. – Ты в последнее время ходишь сам не свой, словно что-то ищешь, но не понимаешь, что!

Робин отговорился шуткой. Ему хватало забот, чтобы морочить себе голову такой досадной помехой, как любовь к женщине. У него не было недостатка ни в женском внимании, ни в ласковых подругах, и большего он не желал. Когда-то в юности он испытал влюбленность, переболел ею и счел, что на будущее с него довольно нежных чувств. Но его душа все равно не находила покоя. Именно в таком состоянии он и пребывал, когда лежал на лугу среди высоких трав, закинув руки за голову, и дремал под неумолчный стрекот цикад, как вдруг услышал песню.

Мгновенно очнувшись от сна, Робин вслушался в голос: певучий, нежный и очень мелодичный девичий голос. Ему захотелось взглянуть на самую девушку, которая без опаски гуляла

в лесной глуши, да еще и пела, словно нарочно привлекая к себе внимание, забыв или не зная, что лес любит тишину. Он вскочил на ноги, озорства ради закрыл лицо полумаской из черного плотного шелка и пошел на голос.

Когда он увидел ее, она как раз допела песню и в молчании сидела на берегу, небрежно отмахиваясь от ластившегося к ней серого жеребца. Внезапно в ее руках оказались лук и стрела. Проследив взглядом направление прицела, Робин увидел выбранную девушкой цель и, достав из колчана лук и стрелу, прицелился сам. Задуманное упражнение в стрельбе было нелегким, он мог и промахнуться, но неожиданно для себя загадал: «Если попаду, эта встреча – нечто большее, чем случайность!»

Он не промахнулся. Она вскочила на ноги, обернулась, и он утонул в бесстрашных огромных светлых глазах.

Проводив ее до Фледстана и расставшись, но условившись о новой встрече, Робин поймал себя на том, что непрестанно думает о ней, вспоминает каждое ее слово, сказанное за время, что они пробыли вместе, и не просто вспоминает, а слышит ее нежный голос. Пять дней, ему нужно подождать только пять дней, и он снова увидит ее! А он очень хотел ее увидеть – так сильно, что пять дней казались ему вечностью.

Ночью и следующим днем он продолжал вспоминать ее, и в его сердце теплилась беспричинная радость. Ему хотелось вновь и вновь повторять ее имя: Мэри. Как чудесно оно срывается с губ, каким теплым выдохом вылетает из груди! Мэри...

Он никогда не встречал ее прежде – в этом Робин был уверен по той самой причине, которую ей и назвал. И все же каждая черточка ее нежного облика чудилась ему до боли знакомой. Изгиб складывавшихся в улыбке губ, легкие жесты изящных рук, серебристая глубина глаз... Странное ощущение знакомства до первой встречи укрепляло его в убеждении, что эта девушка изначально предназначена для него и только для него.

Очарованный ею, Робин при второй встрече хотел не просто привезти ее в Шервуд, а оставить возле себя. Никто из его подружек никогда не вызывал у него такого помысла. Как они ни просились в Шервуд, он только отшучивался, но не брал никого с собой, предпочитая навещать их сам, лишь бы не обременять себя ненужными обязательствами. А вот она... За одну недолгую встречу он был впервые настолько пленен и сердцем и разумом, что не раздумывая ответно стремился завладеть ею, а завладев, уже не отпустить от себя.

Он вспоминал ее признание, неумелость нежных губ, скованность юного тела и хотел скорее увидеть ее вновь и забрать с собой. Не только затем, чтобы любить ее и вызвать в ней ответные чувства, но прежде всего чтобы защитить ее. При такой красоте и такая доверчивость! При такой неискушенности и неопытности с таким пылом отвечать на поцелуй, не понимая, как это опасно! Вспоминая свежесть ее несмелых губ, он невольно улыбался, уверенный в том, что она впервые в жизни целовала мужчину. Ей, по-видимому, и в голову не пришло, что он с трудом заставил себя отпустить ее, вместо того чтобы уложить на траву и обратить сопротивление в покорность. Он отпустил, а если бы на его месте оказался другой? Нет. Он хотел быть у нее первым и остаться единственным – такую девушку он не желал делить ни с кем.

Поймав себя на мыслях о том, что, привезя ее в Шервуд, он прямо на празднике представит ее своей невестой и будущей леди Шервуда, Робин понял, что зашел так далеко, как не заходил никогда. Но осознание этого не остановило его. Чувства, которые пробудила в нем юная травница из Фледстана, не шли ни в какое сравнение с первой юношеской влюбленностью. Они увлекали его, как пронизанные солнцем волны, закручивающиеся в водоворот, и он поддавался им, совершенно не желая сопротивляться. В конце весны ему минуло двадцать пять лет, в этом возрасте его друзья успели обзавестись не только женами, но и детьми. Почему бы и не жениться? В ее согласии выйти за него замуж он не усомнился ни на минуту.

День праздника приближался, и ему оставалось сделать одно: условиться с ней о встрече. В этом не было никаких затруднений. Достаточно было повидаться с Клэрэнс, которая знала во

Фледстане каждого. Он так и сделал – встретился с Клэрэнс, описал ей Мэри, и всем его надеждам пришел конец, когда Клэрэнс, выслушав его, рассмеялась и объяснила, кого он повстречал в лесу.

Благородная леди Марианна, вот почему ты так волновалась и спешила вернуться в замок раньше хозяина Фледстана! Боялась, что тебе влетит от отца за одинокие прогулки в дремучем лесу без подобающей свиты, без охраны. Правильно боялась, и жаль, что опередила отца: определенно, ты в полной мере заслужила его упреки!

Он только порадовался тому, что ни с кем не успел поделиться своими мечтами, не сказал заранее, что пригласил на праздник ту, которую решил взять в жены. Правда, сама Марианна рассказала подруге о встрече в лесу, но, к счастью или из осторожности, умолчала о том, с кем она повстречалась.

Узнав, кто она, он понял и тайну своего наваждения: почему ее черты показались ему знакомыми, хотя он увидел ее впервые. Судьба, предназначение – все это блажь! Просто Марианна как две капли воды походила на мать за одним исключением: у леди Рианнон волосы были гладкими и черными как ночь, а у Марианны – светлыми и волнистыми.

Уверенность в том, что он наконец-то встретил свою любовь, оказалась беспощадно разрушенной, и на смену ей пришел гнев такой силы, что Марианна, зная о том, могла бы порадоваться, что скрыта от Робина надежными стенами Фледстана.

Кокетка! Лгунья и лицемерная кокетка! Это на нее-то ни один мужчина ни разу не смотрел так, как он? Да на нее все мужчины пялились, не в силах оторвать глаз! За краткое время со дня возвращения из монастыря она получила не меньше десятка предложений руки и сердца от знатных и родовитых мужчин Средних земель. Зная, кто он, и умолчав о себе, не забавлялась ли она, пополнив ряды своих поклонников еще и лордом вольного Шервуда? Что ж, ей удалось вызвать в нем и любовный трепет, и желание защищать, вот только сама она при этом не нуждалась ни в его защите, ни в его любви.

Несколько дней он был вне себя от ярости, пока Вилл Скарлет не спросил его напрямую: – В чем дело, Робин? Что с тобой происходит? Ты не замечаешь, что все в Шервуде стараются не попадаться тебе на глаза?

Он немедленно взял себя в руки и приказал себе выбросить из головы любые мысли о Марианне – дурные, хорошие, все равно. В его жизни все пошло по-прежнему, как будто и не было той встречи на берегу реки. К нему опять вернулись уверенность и спокойствие, пока к собственному удивлению Робин не обнаружил себя на окраине леса, у холма, на котором возвышался Фледстан. Он спросил себя, зачем приехал сюда, да еще на то место, где расстался с Марианной. Сердце дало мгновенный и недвусмысленный ответ: в надежде увидеть ее еще раз, хотя бы издали.

Он стегнул коня так, словно тот был виноват в том, что Робин оказался возле Фледстана, и немедленно, не оглядываясь на замок, вернулся в лес. Но и мысли о Марианне тоже вернулись к нему. Как он ни сердился на себя, но ничего не мог с собой поделать: он продолжал думать о ней и вспоминать ее.

Когда гнев на Марианну немного улегся, Робин захотел узнать, что же она представляет собой, раз уж совсем выкинуть ее из головы не получалось. Не спрашивая о ней Клэрэнс, он внимательно слушал ее рассказы о Марианне. Та же могла говорить о подруге бесконечно. Если верить Клэрэнс, Марианна являла собой подлинное совершенство в девичьем облики. Добра, умна, весела нравом, обучена множеству вещей, нужных и излишних для девицы ее звания. Робин не слишком доверял этому отзыву: Клэрэнс была очень юной, еще не умела хорошо разбираться в людях, а на Марианну смотрела пристрастными глазами.

В рассказах Клэрэнс его насторожило иное обстоятельство: Марианну не увлекала обычная жизнь знатного общества. Почему? Что заставляет ее скучать, вместо того чтобы получать удовольствие? Что ее томит и угнетает?

Он начал прислушиваться, как о Марианне отзываются в народе, и не услышал ничего, кроме похвал. Особенно ее хвалили люди, которые жили на землях, принадлежащих Невиллам. Но разве они могли говорить дурное о дочери лорда, от которого зависели?

Так и не сложив сколько-нибудь определенного мнения о Марианне, Робин неожиданно вновь повстречался с ней в конце сентября. Конечно, встречей это было назвать нельзя: он видел Марианну, а она его нет. Его путь пролегал по окраине того самого луга, выводившего к берегу реки, где он встретил Марианну в августе. Робин увидел вдали силуэт вороного коня и мгновенно узнал в нем Воина. Укрыв свою лошадь в чаще, Робин пошел вдоль берега, стараясь остаться незамеченным под прикрытием густых прибрежных зарослей, не сомневаясь в том, кого он увидит.

На этот раз она не пела, а сидела на склоне так тихо, что он едва не споткнулся об нее, заметив девушку, когда между ними оставалось всего несколько шагов. Неслышно опустившись на траву, Робин долго смотрел на Марианну сквозь ветви разделявшего их лозняка.

Сейчас он и сам не мог понять, как не распознал в ней благородную девушку, приняв за простую травницу. Но и она была не так безыскусно одета, как в прошлый раз. На ней было платье из дорогой ткани, не поражавшее роскошью, но очень изысканное. Таким же был и плащ, ниспадавший с ее плеч: невычурного покроя, спокойного цвета, но отороченный по краям узкой полосой дорогого меха. Светлые густые волосы, которые она в августе на его глазах сплетала в простую косу, были уложены более прихотливо: ото лба до затылка заплетены, прихвачены заколками, а от затылка рассыпались водопадом локонов, завивавшихся на концах в крупные кольца. Заколки были сработаны из светлого золота и украшены мелкой россыпью драгоценных камней. Такими же были и браслеты на ее тонких запястьях, и ожерелье, обвивавшее шею.

Она сидела, обхватив руками колени, смотрела на волны, набегающие на берег, и Робин вдруг понял, что и этот наряд, и неброские, но дорогие украшения, и изысканная прическа, не скрывающая красоты ее волос, – все это ради него, чтобы порадовать его взгляд и понравиться ему вновь.

Значит, не только он не забыл той встречи. В душе Робина на миг вспыхнуло чувство, очень близкое к злорадству, но тут же оставило его. Он продолжал сидеть неподвижно, не выдавая себя ни единым шорохом, и неотрывно смотрел на грустное и красивое лицо Марианны, обращенное к нему в профиль. Все недобрые мысли о ней потихоньку покидали его. Нет, она не кокетка, и лицемерие ей не присуще. Ее слова были правдой: другие мужчины смотрели на нее совсем иначе, чем он. Те, кто был простого звания, любовались издали. Равные ей видели не только ее, но и большое приданое, которое дал бы за ней отец. Только он смотрел на нее так, как если бы его ничто не привлекало в ней, кроме ее самой, но притом ему не надо было держаться от нее на почтительном отдалении. Ведь именно так он и смотрел, так оно и было в тот вечер...

Он знал, что она до сих пор никому не ответила согласием на предложение о замужестве. Почему? Ведь по возрасту ей пора выйти замуж. Глядя на Марианну, Робин угадал ответ: она влюбилась в него. Так сильно влюбилась, что не смогла забыть, опять приехала в Шервуд одна, без охраны, в надежде встретить его и совершенно не думала, что у ее чувства не может быть счастливого исхода. Вот она запрокинула голову, посмотрела в хмурое, затянутое тучами небо, и Робин заметил, как в уголках ее глаз заблестели слезы.

Он даже на миг прикрыл глаза – такой неожиданной острой болью отозвались в его сердце слезы Марианны. В нем вдруг вспыхнула с небывалой силой потребность любить ее, защищать, быть с ней рядом. Он едва удержал порыв подойти к ней, обнять и, утерев ее слезы, шепнуть, что она никогда больше не будет плакать из-за него. Нельзя. Если бы он так и сделал, они бы отправились вдвоем по дороге, которая увела бы ее в мир, привычный для него, но чуждый ей, мир, где опасность подстерегает на каждом шагу.

Она вдруг сняла с рук браслеты, сказала несколько слов на валлийском языке и, размахнувшись, бросила украшения в реку.

– Дух воды, прими мой дар и выполни мою просьбу, – услышал Робин.

На склоне берега прямо над Марианной вырос Воин, бродивший неподалеку. Ласково фыркая, он потянулся к Марианне, напоминая о себе, и вдруг замер. Втянув в себя воздух, жеребец посмотрел на кусты лозняка и коротко призывно заржал.

Почувял прежнего хозяина, понял Робин, с тревогой глядя на Воина. Еще мгновение, и вороной рванется к нему, выдаст его присутствие Марианне. Но, к облегчению Робина, Марианна в тот же момент поднялась на ноги и крепко обняла Воина за шею, заставив вороного отвлечься.

– Пора возвращаться домой, Воин, – услышал Робин негромкий и очень печальный голос Марианны. – Все впустую. Он опять не пришел, не встретился по дороге. Твой хозяин сердится на меня, сердится до сих пор!

Слушая то, что она говорила вороному, Робин слегка изогнул бровь. Значит, она поняла, как он отнесся к ее обману. Поняла, но все равно надеялась увидеть его!

Марианна легким движением села в седло и, собрав поводья, окинула прощальным взглядом реку, луг, желтеющую кайму леса. Воин сорвался с места в галоп и понес всадницу к дороге во Фледстан. Робин наконец-то смог подняться на ноги, не опасаясь, что Марианна его заметит.

– Я не сержусь на тебя, – тихо произнес он, когда Марианна уже скрылась из глаз, а он все равно продолжал смотреть ей вслед. – Но ради своего блага и моего спокойствия перестань ждать меня и не ищи со мной встреч!

Затем он вошел в воду и отыскал браслеты, поднесенные Марианной реке. В чем заключалась ее просьба, Робин понял, и не желал, чтобы она оказалась исполненной. Так он и сказал, принеся реке извинения за то, что отнимает дар Марианны. Два браслета лежали на его ладони, и он долго смотрел на них, размышляя, как их вернуть Марианне, но ничего не придумал и положил браслеты в колчан. Придумает позже.

А потом случилась беда: в селении Руфффорд начался мор. Смерть беспощадно выкашивала жителей, не делая исключений ни для мужчин, ни для женщин, какого бы возраста они ни были. И страшный путь болезни и смерти преградила собой Марианна.

События в Руффорде сильно повлияли на представления Робина о Марианне. Он утвердился в мысли, что она – его женщина. Но судьба, которая изначально предназначила их друг другу, сыграла с ними недобрую шутку, разведя по жизни так, что они не могут быть вместе. Он понимал, что те ее свойства, которые его восхищали, никогда не найдут такой же высокой оценки в знатном окружении Марианны. Напротив, они не будут ни поняты, ни одобрены. Марианна слишком сильно отличалась от общества, в котором вынуждена жить, и это отличие грозило ей опасностью. Он твердо решил, что если не в его власти подарить Марианне любовь, то дать ей защиту он может и должен. Тем более что возле Марианны стал все чаще и чаще появляться Гай Гисборн, а к чему приводят настойчивое внимание и приязнь Гая, Робин доподлинно знал.

Глава третья

– Отвага и доблесть, благородные рыцари! Победитель получит награду из рук прекраснейшей из прекрасных дам!

Герольд вскинул руку, и турнирное поле огласилось пронзительными звуками труб. Раздались приветственные возгласы с галереи, на которой собрались знатные гости. В ознаменование начала турнира благородные девицы и дамы бросали на поле и в ряды простых зрителей горсти мелких монет. На ветру трепетали полотнища с английским львом и флаги поменьше с гербом хозяина турнира – шерифа Ноттингемшира. За толстыми канатами, ограждавшими ристалище, толпился простой люд: горожане, йомены и фригольдеры, приехавшие из окрестных селений. Теплые плащи укрывали не отличавшиеся яркостью одежды простолюдинов, зато галерея для знати пестрела многоцветьем нарядов.

Помост, с которого шериф наблюдал за турниром, разделял галерею на две равные части. С перил, ограждавших помост, свешивались яркие полотнища с гербами королевства, графства и знатных гостей. Ступени, которые вели от края ристалища наверх до кресел, были застелены тяжелым ковром. От внезапного снега гостей сэра Рейнолда должен был защитить балдахин, натянутый над помостом в виде огромного и уютного шатра. Здесь разместились гости, которых сэр Рейнолд лично пригласил занять места подле него. Среди них был епископ Гесберт, доводившийся Роджеру Лончему двоюродным братом. Наряднее всех были украшены кресла для дочери шерифа леди Клод и племянника епископа сэра Брайана де Бэллона. Их помолвке и были посвящены сегодняшней турнир, назначенный на вечер ужин с танцами, песнями менестрелей, выступлениями жонглеров и прочими развлечениями, завтрашняя охота, и много иных веселых занятий. Кроме шерифа, епископа и нареченных среди особо избранных гостей были также младшая сестра Брайана де Бэллона леди Беатрис, аббат из Ярроу, сэр Гилберт Невилл с дочерью, десяток знатных юношей и девиц – друзей жениха и подруг невесты. Два кресла оставались пустыми – Роджер Лончем и Гай Гисборн собирались принять участие в турнире.

Снова раздалось пение труб, возвестив выезд рыцарей на первый поединок. Турнир начался.

Марианна с увлечением следила за ходом состязаний. Ее глаза ярко блестели, голову кружили ржание боевых коней, треск столкнувшихся в ударе копий, звонкие голоса герольдов, оглашавших имена участников и результаты каждого поединка. Невилл, занятый беседой с сэром Рейнолдом, с улыбкой поглядывал на дочь, завидуя ее юной увлеченности турнирной забавой.

Гай и Роджер Лончем – оба без особых усилий – вышли победителями из своих поединков. Гай подъехал к оруженосцу заменить копьё, а Лончем сначала направился к помосту и, подняв лошадь на дыбы, приветственно потряс копьём перед Марианной.

– Прояви вежливость, Марианна, – тихо шепнул дочери Невилл.

С выражением ледяного равнодушия Марианна неохотно подняла руку в знак ответного приветствия.

– Бросьте на копьё вуаль или шарф, леди Марианна! – воскликнула леди Клод. – Кажется, сэр Роджер желает быть вашим рыцарем!

– Полагаю, это приветствие – всего лишь любезность, которой сэр Роджер отвечает не столько мне, сколько моему отцу, оказавшему гостеприимство ему и сэру Гаю по дороге в Ноттингем, – возразила Марианна. – Я не хочу навлечь на себя упреки в тщеславии, к тому же не имею никаких оснований.

Но знаки внимания Лончема повторялись вновь и вновь после каждого поединка, из которого Лончем еще ни разу не вышел побежденным. Марианна, втайне недовольная этим навязчивым вниманием, заметила, что епископ Гесберт тоже нахмурился, когда Лончем в очередной раз преклонил копьё перед Марианной.

– Вы пришли по душе моему кузену, – сказал епископ так, чтобы его слова могла слышать только Марианна.

– Как будто вам это не слишком по нраву, милорд, – так же тихо ответила Марианна.

– Совсем не по нраву! – сурово отрезал епископ. – Пусть других обманывает ваша внешность, но я-то знаю, что за ней кроется. О вашем увлечении медициной и травмами я наслышан еще от матери-настоятельницы монастыря, в котором вы воспитывались. Она тоже считает, что от вашей искусственности во врачевании пахнет магией. Вы не простолюдинка, чтобы славиться лекарским искусством на все графство. Готовьте притирания для ухода за вашим нежным личиком, но не смущайте умы простолюдыня, удаляясь в затворничество в охваченное мором селение!

– Вы упрекаете меня в практичности? – с деланным удивлением спросила Марианна. – Ведь Руффорд – наше владение. Если бы все жители Руффорда умерли, мой отец понес бы большие убытки.

– Не считайте меня глупцом, леди Марианна! – с негодованием воскликнул епископ. – Вам не удастся меня обмануть. Если бы вы руководствовались исключительно практичностью, то послали бы вместо себя других лекарей. А теперь чернь превозносит вас до небес и называет Светлой Девой! Своим поведением вы толкаете простолюдинов на кощунства. Что это за языческое прозвище?

– Может быть, дело не во мне, а в вас, святой отец? – кротким голосом предположила Марианна. – Опекай вы усерднее свою паству, люди не вспоминали бы языческих богов, хотя бы и в обиходе.

Епископ от возмущения не нашелся, что возразить Марианне, и лишь бросил на нее откровенно недобрый взгляд, на который она ответила самой безмятежной улыбкой.

– Милая леди Марианна, – к ее плечу склонилась леди Беатрис, – ведь вы хорошо знаете доблестных рыцарей Ноттингемшира? Как вы полагаете, кому будет присуждена победа?

– Все зависит от того, кто возглавит рыцарей, когда они будут сражаться двумя отрядами, – начала Марианна, но ее прервал восторженный возглас Брайана де Бэллона:

– У меня нет никаких сомнений, что победителем станет благородный Гай Гисборн!

Брайан де Бэллон был представлен Гаю будущим тестем незадолго до начала турнира, и всем было очевидно, что очарование Гая в немалой степени подействовало как на самого юношу, так и на его сестру. Они оба, не сговариваясь, радостными криками приветствовали каждую его победу. Сам Брайан де Бэллон накануне, готовясь выступить на турнире, повредил на ратной тренировке руку и теперь к своему глубокому огорчению мог оставаться только зрителем.

– А я, – вмешался сэр Рейнолд, – сделал бы ставку на сэра Роджера, хотя и отдаю должное доблести своего воспитанника.

– Суэта сует! – вздохнул епископ, пряча озябшие руки в широкие и подбитые мехом рукава.

– В любом случае, милая Беа, не может быть сомнений в том, кто из дам получит сегодня венец королевы любви и красоты. С копьё Роджера Лончема или с копьё Гая Гисборна – все равно это будет одна и та же леди, – сладким голосом, в котором еле слышался яд, промурлыкала леди Клод.

– Конечно, нет сомнений! – отозвалась Марианна, сделав вид, что не заметила иронии. – Только невежа посмеет вручить этот венец кому-то, кроме вас, учитывая, что турнир затеян в честь вашей помолвки.

– Ах нет! – рассмеялась леди Клод. – Значит, вы отвлеклись и не слышали герольдов, когда они, оглашая правила турнира, объявили, что венец может быть вручен любой, только не мне! Коль скоро мой дорогой Брайан сегодня не может принести мне этот венец на своем копье, – и она ласково погладила жениха по богато расшитой перевязи, которая поддерживала пострадавшую руку Брайана де Бэллона, – то он и вовсе мне не нужен. Да я оскорбила бы своего будущего супруга, приняв этот венец из других рук!

Брайан де Бэллон поблагодарил невесту учтивым поцелуем, и она весело продолжала болтать, обернувшись к леди Беатрис:

– Судите сами, Беа, кому еще может достаться титул королевы любви и красоты, если мы пришли к согласию, что победителем будет либо ваш дядя, либо сэр Гай! Кому сегодня с таким постоянством оказывает внимание сэр Роджер, уже заметили все. Но вы, наверное, не знаете то, о чем знает в наших краях каждый: сэр Гай – самый преданный рыцарь леди Марианны. Он давно избрал ее своей Прекрасной Дамой и верно служит ей, как паладин Пречистой Деве!

С хорошенького личика леди Беатрис исчезла улыбка, и теперь она поглядывала на Марианну с плохо скрываемой завистью и даже враждебностью. Марианна же помрачнела и задумалась, поглядывая на ристалище уже без всякого интереса.

Когда трубы возвестили окончание одиночных поединков и рыцари удалились в свои шатры, чтобы отдохнуть и подготовиться к сражению двумя отрядами, Марианна сделала знак Клэрэнс следовать за ней. Девушки незаметно покинули оживленных гостей и, спустившись с помоста по лестнице для слуг, оказались позади галереи. Марианна отдала Клэрэнс свой издали приметный плащ из белого сукна, подбитый по краям и подолу темными куньими спинками, и завернулась в длинную накидку Клэрэнс из серой шерсти.

– Жди меня здесь! – шепнула она подруге и затерялась в толпе, окружавшей турнирное поле.

Оставшись никем не узнанной, она без приключений добралась до шатра, над которым развевался флажок с гербом Гая Гисборна. Ратник у входа в шатер загородил ей дорогу, и Марианна сбросил с головы капюшон. Обнаруживая себя, она ничем не рисковала: все знали, что ратники Гая никогда и ни с кем не откровенничают ни о своем лорде, ни о его делах. Пытаться их подкупить значило бы встретить свою погибель. Узнав Марианну, ратник склонил голову в почтительном поклоне и откинул полог шатра.

Гай, раздетый до пояса, низко наклонился над лоханью, а оруженосец поливал водой из кувшина его шею, плечи и спину. При виде Марианны Гай немедленно выпрямился и взял полотенце с плеча оруженосца. Если он и был удивлен ее внезапным появлением в своем шатре, то не подал вида.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он, растирая полотенцем шею и грудь, на которой выступали мускулы, не расслабившиеся после долгого напряжения.

Было заметно, что он устал после многочисленных поединков, которые ему пришлось сегодня выдержать, победив во всех до единого.

– Зачем ты пришла? – повторил Гай, небрежно отбросив полотенце, и знаком приказал оруженосцу подать свежую рубашку. Угадав причину молчания Марианны, он ободряюще кивнул ей. – Можешь говорить так, если бы мы были одни.

– Ты говорил, что ты друг мне, и я всегда могу обратиться к тебе за помощью! – сказала Марианна, садясь на маленькое складное кресло, которое ей услужливо придвинул оруженосец.

Гай, зашнуровывая ворот рубашки, бросил на Марианну долгий внимательный взгляд.

– И моя помощь понадобилась тебе так внезапно и незамедлительно, что ты не стала ждать окончания турнира? Что же мне требуется сделать, чтобы помочь тебе?

– Стать победителем турнира, – без малейшего промедления ответила Марианна.

– Всего-то? – и Гай рассмеялся. – Ты хочешь, чтобы я посрамил сэра Роджера, который рвется к победе, стремясь принести тебе на своем копье венец королевы турнира?

– Если и ты так говоришь, значит, он и впрямь хочет осчастливить меня этим золотым безвкусием, утыканным сердечками!

– А ты представь! В твою честь зазвучат трубы, герольды закричат: «Слава леди Марианне, королеве любви и красоты!», сэра Роджер склонит перед тобой голову, чтобы ты увенчала его венцом доблести...

– ...и потом он весь ужин будет докучать мне своим обществом, имея на то полное право! Он и так докучал им всю дорогу до Ноттингема. Чего он хочет добиться?!

– Получить великолепный повод сделать тебе предложение руки и сердца, – пожал плечами Гай. – Твоя красота свела его с ума, как ты могла бы уже заметить.

– Красота! А может быть, мое приданое? – желчно спросила Марианна.

– Что ж, твое приданое им тоже было принято в расчет, – рассмеялся Гай. – Тебе пора привыкнуть, что твое очарование отнюдь не заставляет забыть о богатстве твоего отца и твоём родстве с принцем Ллевелином. Но стоит быть справедливым к сэру Роджеру: им прежде всего руководит любовный пыл, которым он горит с первого дня знакомства с тобой.

– Ох, этот пыл пугает меня больше его практических расчетов! – призналась Марианна, мрачно глядя перед собой.

Подойдя к ней, он опустился на одно колено, взял руки Марианны в свои ладони и заглянул ей в глаза.

– Он действительно так неприятен тебе, Златокудрая? – спросил Гай участливым тоном, и оруженосец, невольно прислушивавшийся к разговору, поразился необычайной ласковости, прозвучавшей в голосе его господина, обычно суровом и властном. – Ведь у него честные намерения. Роджер Лончем в большой милости у принца Джона, богат, из весьма могущественной семьи. Если ты согласишься принять его предложение, то брак с ним вознесет тебя почти вровень с супругой принца. Самые знатные лорды и леди Англии почтут за честь служить тебе!

Он замолчал, испытующе глядя на Марианну. Ему хотелось узнать, был ли он прав, когда утвердился во мнении, что для нее ни власть, ни почет, ни богатство не имеют особой ценности. Да, она не отвергала их, принимая как должное, но они ли определяют выбор ее сердца? Если ее задумчивые глаза сейчас загорятся блеском и предвкушением, он будет разочарован, но от души пожелает ей счастья, как и говорил Лончему.

– Я лучше умру, – тихо сказала Марианна, с силой сжав руки Гая. – Когда он на меня смотрит, мне становится не по себе: словно он уже все за меня решил. Осталось лишь выбрать надежный замок, под которым запереть меня от всего света! Правду ли говорят, что его жена умерла от побоев?

– Такие разговоры ходили, но доказательств вины сэра Роджера нет. Возможно, ему написали ее неожиданную смерть из-за его вспыльчивости и горячего нрава. В противном случае его подверг бы опале собственный брат, который в то время еще был у власти. Если твои сомнения основаны только на этих слухах, можешь смело отбросить их и принять его предложение. В благодарность он бросит весь Лондон к твоим ногам!

– Нет! Пусть оставит себе или прибережет для той, что оценит Лондон у своих ног! – решительно ответила Марианна. – Всякий раз, когда он пытался дотронуться до моей руки, меня передергивало от отвращения и я ничего не могла с собой поделать.

Выслушав ее, Гай едва заметно улыбнулся. Он был доволен тем, что не ошибся в ней.

– Тебе не придется сегодня тяготиться его обществом. Не огорчайся.

Отпустив ее руки, он легко поднялся с колена и помолчал, раздумывая, как помешать планам Лончема, не сделав его при этом врагом.

– Не окажешься ли ты в опасности, если согласишься на мою просьбу? – с тревогой спросила Марианна, проницательно глядя на Гая. – Ведь Лончем может захотеть отомстить тебе?

Гай в ответ пренебрежительно махнул рукой.

– Сражение есть сражение – побеждает сильнейший. Своих планов относительно завоевания тебя с помощью сегодняшнего турнира сэръ Роджер мне не поверял, и потому я не связан с ним каким-либо обещанием. Но даже если бы и был связан, то после того как ты сама пришла ко мне с просьбой о помощи, я нарушил бы любое слово, данное ему, не задумываясь.

– А как же честь рыцаря? – не удержалась не поддразнить его Марианна.

– Честь рыцаря меня обязывает, прежде всего, служить моей Прекрасной Даме, – ответил Гай, и по его улыбке нельзя было утверждать, было ли это ответным поддразниванием или за насмешливым тоном скрывалась правда. – Хорошо, мы сразимся с Лончемом в разных отрядах, я одолею его, я все сделаю так, как хочешь ты. Желает ли ты, чтобы я принес тебе венец королевы турнира?

– Вовсе нет! – поторопилась ответить Марианна, слегка покраснев под его выжидательным взглядом. – Ты свободен в выборе и не обязан отдавать венец мне.

– Так ведь я свободен в выборе! – подловив ее на слове, усмехнулся Гай и, заметив, что она собирается что-то сказать, предупреждающе вскинул руку: – Не повторяй. Я помню, что ты говорила мне осенью, все до единого слова. Но если я хочу получить венец доблести именно из твоих рук? В конце концов, ведь я согласился исполнить твою просьбу!

Обернувшись к оруженосцу, он подал юноше туго набитый кошелек.

– Гарри, иди немедленно к старшему герольду. Пусть он назовет мое имя, когда будут решать, кто возглавит отряд рыцарей, который выступит в общем сражении против рыцарей под командованием Роджера Лончема. Не мешкай! И если вместо моего имени назовут другое...

Голос Гая мягко затих, но Марианна заметила, как оруженосец вздрогнул и побледнел.

– Милорд, все будет так, как вы пожелали! – ответил юноша и, поклонившись, исчез за пологом шатра.

– А что произойдет, если он не справится с поручением и вместо твоего имени прозвучит другое? – спросила Марианна, проводив взглядом оруженосца, и внимательно посмотрела на Гая.

Она впервые увидела, как кто-то – не Клэрэнс, а тот, кто был близок к нему, – оказался охвачен непритворным страхом, причиной которому стал всего лишь его изменившийся голос.

– Тогда тебе придется принять почет от Роджера Лончема и потерпеть его общество за ужином, а мне – взять более толкового и расторопного оруженосца! – усмехнулся Гай, от которого не укрылся истинный смысл вопроса Марианны.

– А этот юноша?

– Отправится на конюшню убирать навоз, поскольку лошадей его заботам я поручить уже не осмелюсь, – рассмеялся Гай и ласково положил ладонь на плечо Марианны. – Что тебя так взволновало, Златокудрая? В чем ты меня заподозрила? Неужели в том, что этого юношу постигнет страшная кара, если он не справится с таким простым поручением?

Он с притворным гневом округлил глаза, придав своему лицу самое свирепое выражение.

– Извини меня, Гай! – рассмеялась Марианна, чувствуя невольную вину перед ним за волнение, причину которого она так и не смогла толком понять. – И перестань называть меня Златокудрой – я тебя просила об этом уже не раз! Фрейя рассердится на меня, ведь это одно из ее имен.

– Недаром лорд епископ в сердцах называет тебя язычницей!

Теперь они рассмеялись оба. Возникшее недоразумение рассеялось, и Марианна стала оживленной и веселой, а в темных глазах Гая светились неподдельная нежность и любование девушкой.

– Но ты так и не ответила: хочешь стать королевой турнира? – настойчиво спросил он.

Вспомнив почти детскую обиду леди Беатрис, Марианна предложила иным образом порядиться злосчастливым титулом.

– Будет разумнее, Гай, избрать королевой Беатрис де Бэллон. Тем самым ты смягчишь удар, нанесенный самолюбию Роджера Лончема, завоюешь признательность брата леди Беатрис, который безмерно расстроен тем, что не смог сегодня сам добыть венец для своей невесты, и доставишь большое удовольствие леди Клод.

– А также сэру Рейнолду и лорду епископу, – продолжил в том же тоне Гай. – Bravo, принцесса! Упражнения в шахматной игре сделали из тебя великолепного дипломата и тактика. Но как же быть со мной? Ведь тогда я должен буду промаяться весь ужин подле этой пустоголовой малышки!

Он посмотрел на Марианну веселым вопросительным взглядом и, когда она виновато пожала плечами в знак того, что не может придумать, как разрешить это затруднение, не поступившись учтивостью, снова рассмеялся.

– Ладно, за эту жертву я попрошу награду! Ты, кажется, завтра собиралась отправиться по торговым лавкам за покупками? Вот и позволь мне сопровождать тебя!

Марианна лукаво, как лисенок, поморщила нос:

– Если тебе не будет скучно...

– Скучно? С тобой?! – Гай быстро отвел глаза, чтобы Марианну не испугал внезапно полыхнувший в них огонь откровенной страсти. – Расскажешь мне, что ты почерпнула из трудов святого Северина.

– Будем смотреть ткани, украшения и утешаться философией? – расхохоталась Марианна. – Но как скажешь! За свою помощь и жертву ты вправе рассчитывать на любую благодарность с моей стороны!

За стенами шатра запели трубы.

– Тебе пора возвращаться, – заторопился Гай и подал ей руку, помогая подняться, – а мне – облачаться в доспехи. Не тревожься ни о чем: будет все так, как мы условились.

На пороге шатра он задержал ее и поцеловал в лоб, который она подставила ему с чисто королевским достоинством, словно оказывала милость. Он прикоснулся губами к ее лбу с неподдельным благоговением и нехотя отпустил.

Она влекла его. Лончем был неправ, утверждая, что Гая занимает только душа Марианны. Нет, он хотел ее и как мужчина, но скрывая желание, дабы не оскорбить ее девичью невинность, и свой голод он намеревался удовлетворить так, как считал единственно правильным и допустимым – на супружеском ложе. И все же ему очень хотелось сейчас удержать ее, вновь притянуть к себе и, сжав в объятиях, припасть к ее губам и целовать долго и жадно, утверждая свои права на нее. Он так бы и сделал, если бы не понимал, что подобный неосторожный поступок немедленно оттолкнет от него Марианну, уверенную в том, что их связывает исключительно дружеская приязнь.

– Что же ты за чудо, рядом с которым хочется быть постоянно? Просто разговаривать с тобой – это счастье! – не удержавшись, воскликнул Гай, сжигая Марианну полными муки глазами.

Уже поднимая край полога, Марианна остановилась как вкопанная и медленно обернулась.

– Мы ведь друзья с тобой, Гай? Как и условились? – спросила она с тревогой. – Если это не так, то я прошу тебя забыть о моей просьбе и...

Гай крепко ухватил ее за локоть, оборвав на полуслове. Сейчас он стоял перед ней абсолютно спокойный, и никакое волнение не отражалось ни на его лице, ни в глазах.

– Я есть, был и всегда останусь твоим самым преданным другом, – произнес он торжественным тоном, словно приносил присягу. – Что бы ни случилось, знай, что ты всегда и во всем можешь довериться мне и положиться на меня. Не слушай никого, кто бы ни пытался

разуверить тебя в моей дружбе. А теперь иди, пока твой отец не обеспокоился твоим долгим отсутствием.

Кивнув ей на прощание, он опустил полог шатра.

– Леди Марианна, я провожу вас!

Марианна подняла глаза и увидела рядом с ратником, охранявшим вход в шатер, Джефффри – командира дружины Гая и его молочного брата.

– Нет, – отказалась она, – я ушла незамеченной и так же должна вернуться. Со мной ничего не случится.

Окинув взглядом плотные ряды зрителей, окруживших турнирное поле, Джефффри хмыкнул, всем видом выражая сомнение в правильности ее решения, но не посмел возразить и склонил голову в учтивом поклоне. Марианна стала торопливо пробираться через толпу. Попав в кольцо молодых и веселых йоменов, не дававших ей пройти и предлагавших досмотреть турнир в их компании, Марианна уже потеряла надежду вернуться на галерею к началу второй части турнира. Но вдруг ее подхватила под локоть сильная рука и рывком выдернула из-за плотно сомкнутых плеч йоменов.

– Молодым девицам опасно бегать без охраны, – услышала она над ухом недобрый насмешливый голос, – к тому же по шатрам рыцарей.

Обернувшись, Марианна увидела перед собой высокого седого старика с колчаном за спиной, в простом наряде и изрядно поношенном плаще. Не успела она ни поблагодарить его за помощь, ни достойно ответить на нелестный и суровый выговор, как старый лучник оставил ее на свободном пяточке позади галереи и затерялся среди простого люда. Она же беспрепятственно добралась до того места, где ее ждала Клэрэнс, вновь закуталась в свой белый плащ и вернулась к шерифу и остальным гостям.

Тем временем рыцари вернулись на ристалище и выстроились в две линии напротив друг друга. Командиры обоих отрядов коротким галопом объезжали турнирное поле, принимая приветствия зрителей. Встретившись напротив помоста, Гай и Лончем развернули лошадей так, чтобы оказаться лицом к почетным гостям, и одновременно склонили копьа.

– Благородные рыцари избрали дам, которым они хотят посвятить свою победу! – провозгласил герольд.

Лончем, не сводивший с Марианны глаз, в которых горело торжество, протянул к ней копьа. Она, пожав плечами с королевским безразличием, открепила от волос вуаль и повязала ее на древко копьа. Гай склонил наконечник копьа к коленям леди Беатрис, и та, вспыхнув от радости, торопливо привязала к копьа шелковый шарф. Но Гай едва ли заметил как восторг выбранной им дамы, так и сам ее шарф, развевавшийся на его копьа. Его темные глаза, едва различимые в прорези шлема, неотрывно смотрели на Марианну, и она, поймав взгляд Гая, едва заметно улыбнулась в ответ.

После окончания рыцарского турнира, торжественного объявления королевы любви и красоты и увенчания победителя венцом доблести поле разровняли. Начались приготовления к состязанию лучников.

Пунцовая от счастья леди Беатрис поправляла золотую корону, вновь и вновь переживая в душе тот момент, когда Гай Гисборн почтительно преклонил перед ней колена и она дрожащими от волнения руками возложила на его голову венец победителя. Марианна то и дело ловила на себе ее сочувственные взгляды. Убежденная всеми событиями в том, что Гай вовсе не питает к Марианне той приязни, о которой так уверенно заявляла леди Клод, леди Беатрис больше не испытывала ревности. Теперь она считала, что Марианна глубоко переживает неудачу Лончема, из-за которой не стала королевой турнира. Счастливая сама, леди Беатрис всем сердцем желала, чтобы были счастливы все вокруг, и от души сочувствовала Марианне.

Тем временем на поле расставили мишени – большие деревянные круги на треножниках, и на ристалище стали сходитья лучники. Их было много: к состязанию допускались все желающие независимо от сословной принадлежности. Каждый из них перед началом стрельбы называл свое имя, стражники, наблюдавшие за мишенями, объявляли о точности выстрелов, а герольд решал, кто из участников допускается к следующему туру, и громко выкрикивал имена.

В этом состязании не было и следа той торжественности, которой отличался турнир рыцарей. До галереи с поля долетали громких смех, одобрительные крики и язвительные шутки, которыми зрители провожали незадачливых стрелков.

Клэрэнс, стоя за спиной Марианны, дотронулась до ее руки, отвлекая от состязания.

– Взгляни! – почти беззвучно шепнула она, указывая глазами на столик возле кресла шерифа. – Ты видишь, что приготовили в качестве приза для победителя?

Марианна увидела на покрытом алым шелком столике выкованную из серебра стрелу с наконечником и оперением из чистого золота и узнала в ней святыню времен, когда Англия была еще свободна от норманнского владычества. Века приглушили блеск благородного серебра, но будь стрела только что выкована, она не стала бы значить больше в глазах и простых саксов, и саксонской знати.

– Стрела Веланда! Легенда гласит, что он сам ее выковал, и тот, кто владеет этой стрелой, вовек не будет знать поражения! И теперь из-за сакрального атрибута идет спор, словно из-за пригоршни монет! – нахмурившись, тихо воскликнула Марианна, но оказалось, недостаточно тихо.

– Вот как – сакральный атрибут?! – раздался резкий голос епископа. – Я вообще считаю, что этот противный истинной вере символ надо было и впрямь переплавить на монеты, а не делать из него награду, – тут я с вами согласен!

– Переплавить стрелу легко, – спокойно ответила Марианна, – для памяти народа вам понадобится не одно столетие!

Унизанная перстнями холеная рука епископа легла поверх руки Марианны, обдав ледяным холодом. Марианна повернула голову и встретилась взглядом с его желтыми, как у рыси, и такими же ледяными глазами.

– Леди Марианна, вы же умница и понимаете, что подобная дерзость в разговорах со мной не доведет вас однажды до добра. Вы считаете себя неуязвимой даже для церкви? А если я припомню вам, например, руны? Те самые, за раскладом которых вас застали в монастыре и нещадно высекли? Если я узнаю, что вы по-прежнему обращаетесь к ним, то вы уже не отдаетесь так легко!

– Это ведь просто древние письменные знаки! Ничем не отличающиеся от... – и Марианна замолчала, заметив, с каким нескрываемым злорадством епископ ждет продолжения.

– Милорд, заверяю вас, что леди Марианна – добрая христианка и верная дочь нашей святой матери церкви! – взволнованно воскликнула Клэрэнс. – Она регулярно посещает мессу, ходит на исповедь и....

– И все же нуждается в моем отеческом внушении! – улыбнулся епископ, когда Клэрэнс припала губами к его руке, и положил ладонь ей на голову. – Хотя бы затем, чтобы ее прочие добродетели украсились такой же кротостью, как твоя, дитя мое! Благослови вас Господь, дочери мои!

Епископ благосклонно кивнул головой обеим девушкам, но в его глазах сохранилось многозначительное предупреждение, адресованное Марианне.

Перед заключительным туром состязаний на поле остались только четыре лучника: один из ратников шерифа, лесничий, молодой йомен и старик – тот самый седой лучник, который помог Марианне выбраться из толпы, отчитав при этом за посещение шатра Гая Гисборна без сопровождающих.

Зрители разделились в симпатиях: одни были уверены в том, что победа достанется йомену, чьи стрелы в предыдущих турах поразили мишени точно в центр, другие болели за королевского лесничего, известного в графстве меткостью. Ноттингемские ратники громкими криками подбадривали своего товарища.

По жребию первый выстрел достался лесничему. Его стрела поразила мишень в самый центр. Стрела йомена вонзилась рядом со стрелой лесничего, так что между двумя стрелами не осталось ни малейшего зазора. По решению герольда и лесничий, и йомен оставались в числе тех, кто претендовал на серебряную стрелу. Ратник целился долго и тщательно. Когда он наконец отпустил тетиву, стрела вильнула вбок и упала в шаге от мишени.

– В ноттингемской страже никогда не было хороших лучников, – усмехнулся в усы старик, стрелявший по жребию последним, и поднял тяжелый длинный лук.

– Смотри, не выбей себе глаз тетивой! – огрызнулся уязвленный ратник. – У тебя руки дрожат от дряхлости!

– Не мешай почтенному человеку хотя бы подержаться за лук и вспомнить молодость! – отозвались смехом зрители.

– Эй, старик, точнее выстрела, чем два первых, все равно никому не сделать! Напрасно ты себя утруждаешь!

– Благодарю за заботу о моих глазах, сынок, – ответил старик ратнику, не обратив ни малейшего внимания на доносившиеся из толпы насмешки.

Резко натянув тетиву, он, казалось, едва прицелился и выстрелил. Его стрела вонзилась в мишень между стрелами лесничего и йомена, разбив их древки. На поле наступила мгновенная тишина, которая тут же взорвалась восторженными криками. Оставшись таким же равнодушным к похвалам зрителей, как ранее к иронии, старый лучник, сильно прихрамывая, прошел вдоль черты, за которую участникам состязания возбранялось заступать. Измерив на глаз расстояние до мишеней, старик недовольно хмыкнул и презрительно передернул плечами.

– Баловство! – сказал он так, словно вынес приговор, и позвал одного из ратников: – Ну-ка, сынок, отнеси мишени на самый край поля!

Услышавший его приказ лесничий брезгливо поморщился:

– Не слишком ли далеко, почтенный? Ты возгордился собой из-за одного удачного выстрела. Что если он был случайным?

– Бери лук и проверь, – усмехнулся в ответ старик.

Упрямо закусив губу, лесничий вскинул лук, прицелился с особенной тщательностью и отпустил тетиву. Стрела ушла далеко в сторону от мишени. Разочарованные зрители встретили поражение лесничего оглушительным свистом.

– Ветер! Ты чересчур сосредоточился на расстоянии и позабыл принять в расчет направление и силу ветра! – посмеиваясь, сказал старик, меняя тем временем тетиву.

Наладив лук, он повернулся к йомену и махнул рукой в сторону мишеней, предлагая ему стрелять первым. Тот, не сказав ни слова, поднял лук и шагнул к черте. Один за другим йомен сделал четыре выстрела, и все четыре стрелы поразили каждая свою мишень точно в центр. Оглушительные крики выразили единодушный восторг зрителей. Опустив лук, йомен обернулся к старому лучнику и посмотрел на него с выжидательной улыбкой. Старик одобрительно хлопнул йомена по плечу и занял место у черты.

– Эй! – окликнули его из толпы зрителей, напиравших на ограду поля. – Тебе все равно не сделать выстрелов лучше! Все яблочки заняты – твоим стрелам там нет места!

– Посмотрим, – коротко ответил старый лучник.

Теперь он целился дольше, чем при предыдущих выстрелах, и когда отпустил тетиву, по полю прокатился единодушный вздох удивления. Его стрела расщепила пополам стрелу йомена и пробила мишень в самое яблочко. Когда старик снова прицелился, зрители, ратники и герольд затаили дыхание.

Куда подевалась дрожь в его старых руках? Сгорбленная спина выпрямилась, и никто, наблюдая в эту минуту за старым лучником, не смог бы подумать, что он хром, если бы раньше зрители не убедились в его хромоте собственными глазами. Руки в перчатках для стрельбы уверенно держали лук, глаза под нависшими седыми бровями прищурились хладнокровно и неумолимо.

Он сделал подряд три выстрела, и три остальные стрелы йомена оказались так же разбиты пополам, как и первая. Опустив после последнего выстрела лук под уже не крики, а восторженный рев и зрителей, и ноттингемских ратников, которые к тому же грохотали мечами о щиты, старик улыбнулся:

– А верно говорят: возьмешь в руки лук и помолодеешь!

– Браво, отец! – сказал ему с улыбкой йомен, убирая свой лук в колчан. – Ты любого заткнешь за пояс!

Когда ратники во главе с герольдом понесли пораженные стрелами мишени на суд шерифа, йомен, не дожидаясь решения сэра Рейнолда, обнял старого лучника и скрылся в толпе. Зрители почтительно расступались перед ним, не скупясь на похвалы как его меткости, так и веселому достоинству, с которым он принял свое поражение.

– Только дьявол мог попасть в цель с такого расстояния! – запальчиво крикнул проигравший лесничий, с досады бросив лук на землю.

Его тут же обшикали и презрительно освистали, а старик недобро усмехнулся.

– В таком случае, любезный, тебе сегодня удалось встретить не одного, а сразу двух дьяволов: тот парень, что ушел, стрелок не чета тебе.

К старику подошел герольд и тронул его за плечо.

– Почтенный! Сэр Рейнолд объявляет тебя победителем турнира лучников. Он хочет лично вручить награду и побеседовать с тобой.

Старый лучник сделал было шаг следом за герольдом, но его подхватили на руки и понесли с восторженными возгласами, громко славя его искусную стрельбу. У подножия помоста он с ворчанием сумел высвободиться, поднялся по лестнице, сильно припадая на правую ногу, и с видимым трудом преклонил колено перед шерифом.

– Назови свое имя, почтенный стрелок! – с улыбкой воскликнул сэр Рейнолд, взяв с алого шелка серебряную стрелу.

– Меня зовут Аллэйн Фиц-Осберн! – ответил старик неожиданно на безукоризненном французском языке.

Сэр Рейнолд удивленно поднял брови.

– Ты из славного рода Фиц-Осбернов? – шериф оставил диалект, на котором изъяснялись между собой норманны и саксы, и тоже перешел на французский. – А я по твоему наряду решил, что ты один из тех саксонских старейшин, которые раз в год выбираются из лесной глуши.

– Наряд у меня и впрямь не королевский, – усмехнулся старик, – что поделаешь! У моего отца было много сыновей, а я не родился старшим. Мне пришлось добывать себе хлеб луком и стрелами, а не правом первородства. Старость же не красит ни один наряд.

– Старость? – сэр Рейнолд покровительственно рассмеялся, и следом за ним рассмеялись гости, слушавшие их разговор. – Досточтимый Аллэйн, у тебя более зоркий глаз и более верная рука, чем у молодых и самых прославленных лучников!

Седой лучник, довольно посмеиваясь в усы, склонил голову, поблагодарив шерифа за лестный отзыв.

– Не хочу хвалить себя сам, но я с юных лет уже был отменным стрелком. Король Генрих, отец нашего нынешнего государя принца Джона, даже пожаловал меня однажды золотым рогом на расшитой шелками перевязи: так он был доволен моей стрельбой!

Сказанные им слова о принце Джоне, которого он так легко назвал государем Англии, как будто не было и в помине законного короля Ричарда, были восприняты не всеми присутствующими одинаково. Сторонники принца, которых здесь было большинство и к которым принадлежал сэр Рейнолд, поощрительно заулыбались. Лица же тех, кто сохранял в душе верность королю, не одобряя новые порядки, приняли холодно-отчужденное выражение. К таким относился и Гилберт Невилл.

– Ты чересчур смел, Аллэйн! – укоризненно покачал головой шериф, продолжая притом покровительственно улыбаться. – Следует быть осторожнее в речах, поскольку никогда не знаешь, кто может тебя услышать!

Старый лучник поклонился и, вновь распрямив спину, ответил сэру Рейнолду гордым прямым взглядом.

– Милорд, мой отец учил сыновей не таить мысли, если они отвечают убеждениям разума и сердца. Я предан своему государю и не скрываю этого от друзей и тем более от врагов.

– Отлично сказано! – очень тихо заметил Невилл и повернулся к дочери: – Если бы при этом и преданность была обращена на законного государя!..

– Хотел бы я увидеть, каким ты был в молодых годах! – воскликнул сэр Рейнолд, совершенно очаровавшись лучником.

– Могу лишь надеяться, что вы не остались бы разочарованным, предстань я пред вами не убеленным сединами.

Шерифу почудилось в этих словах сомнение, и он ободряюще потрепал стрелка по плечу.

– Уверен, что нет! Как бы ни было в дни твоей юности, сегодня также не нашлось равных тебе стрелков! И приз – серебряная стрела – по праву принадлежит тебе, достоцитимый Аллэйн Фиц-Осберн!

Сэр Рейнолд высоко поднял сверкнувшую на солнце стрелу, и имя победителя было восславлено пением труб.

– Какое унижение для саксов! – усмехаясь, заметила леди Клод. – Одна из их святынь досталась норманну, чей возраст – еще больший упрек нерадивости саксонских лучников!

– Что поделать, любовь моя! – ответил ей в тон Брайан де Бэллон. – Возможно, среди саксов больше нет метких стрелков. Остались лишь похвальбы о прошлом в их песнях.

Невилла глубоко задела насмешка леди Клод, а ответная язвительность Бэллона просто оскорбила. Если бы оба насмешника не были невестой и женихом, ради которых устраивался сегодняшний турнир, барон нашел бы более резкие слова. Так же он ограничился только одним вопросом, задав его самым миролюбивым тоном:

– Что-то я забыл, сэр Брайан, имя первого лучника Англии, который, насколько мне известно, саксонской крови! Не подскажете ли?

Одно лишь упоминание о лорде Шервуда вызвало ропот гостей, среди которых только Невилл и принадлежал к саксонскому роду. С лица сэра Рейнолда исчезла улыбка, и он, укоризненно посмотрев на Невилла, искал достойный ответ, чтобы избежать ссоры, но при этом поддержать честь норманнских родов. Но в то же мгновение раздался скрипучий голос старого лучника:

– Не лорда ли вольного Шервуда вы вспомнили? Да он просто самонадеянный щенок! Что же он не явился сегодня показать всем свое хваленое мастерство? Сдается мне, в его славе больше вымысла, чем правды!

Довольный отповедью, которой старик ответил Невиллу, избавив тем самым шерифа от необходимости вступать в словесный поединок, сэр Рейнолд снова пришел в благодушное настроение.

– Я разделяю твое сожаление, мой славный Фиц-Осберн. Действительно, жаль, что он не осмелился показаться здесь. Нехорошо было бы завершать праздник по случаю помолвки казнью, но полагаю, что моя дочь и ее нареченный простили бы меня, если бы предводитель

шервудских разбойников оказался в руках закона. А он бы, несомненно, был схвачен! Но не будем больше омрачать твое торжество именем этого преступника. Возьми же стрелу!

Шериф протянул старому лучнику награду, но тот неожиданно отклонил руку сэра Рейнолда, почтительно и вместе с тем твердо.

– Милорд, большая честь для меня получить этот драгоценный приз из ваших рук, но я смиренно прошу вас о милости...

– Какой милости ты хочешь? Говори! Тебе не будет ни в чем отказа, – потребовал сэр Рейнолд, уверенный в том, что сможет выполнить любое желание полюбившегося ему старого стрелка.

Старик низко поклонился шерифу и вдруг обернулся в сторону Марианны, смерив ее насмешливым взглядом с головы до ног.

– Было бы только справедливо, если бы эту стрелу, свято чтимую саксами, мне вручила самая прекрасная из саксонских девушек – леди Марианна!

– О!.. – только и смогла произнести Марианна, встретившись глазами со старым лучником.

– Это вам в наказание! Оно еще недостаточно, поскольку этот старик хоть и норманн, но все же доброго рода, а не простолюдин, – торжествуя шепнул епископ и больно сжал руку Марианны. – Даже не думайте отказываться! Я вам приказываю подчиниться!

Между тем Невилл, взбешенный дерзостью норманнского лучника, бросил на шерифа взгляд, полный ярости.

– Мне казалось, Рейнолд, что времена битвы при Гастингсе давно миновали, – с нескрываемой угрозой отчеканил он, – и привычки норманнских стрелков, которые чинили бесчинства над саксонскими девушками, остались далеко в прошлом.

– Гастингс – возможно. Но восстание саксов под предводительством трех графов было позднее, – хмыкнул старик, немедленно найдясь с ответом.

– Право же, мы не можем приказывать благородной девице, – примирительно заговорил шериф. – И надо уважать ее чувства!

Епископ выразительно посмотрел на Марианну, и она, покорно склонив перед ним голову, легко поднялась с кресла и, подойдя к шерифу, протянула руку за серебряной стрелой. Невилл смотрел на дочь с гневным удивлением, а ее лицо было совершенно безмятежным, и на губах играла самая любезная улыбка.

– Милорды, не надо споров! Просьба этого славного старика вовсе не оскорбляет моих чувств и не унижает моего достоинства! Напротив, я с удовольствием исполню ее в знак того, что между саксами и норманнами царит мир!

Взяв стрелу из рук сэра Рейнолда, Марианна спустилась по лестнице ниже на ступеньку и остановилась прямо перед лучником, который почтительно склонил перед ней голову.

– Вы были сегодня первым из лучших – оставайтесь таким же всегда, сколько бы лет ни отмерил вам Господь! – торжественно заговорила Марианна. – Я жалею вам эту стрелу потому, что вы единственный оказались достойным ее чистого серебра. И пусть она исполнит волю того, кто ее выковал: хранит вас от стрел и клинков и приносит победу. Если поможет ей в этом мое благословение, то знайте, что оно всегда будет с вами, доблестный воин!

Лучник так же торжественно принял стрелу из рук Марианны, прикоснулся губами к ее серебряному древку и убрал в колчан, после чего почтительно поцеловал Марианне руку.

– Немедленно уходи! – одними губами проговорила Марианна, стиснув ладонь стрелка. – Безумец, ты действительно хочешь, чтобы праздник закончился твоей казнью?!

Он выпрямился, оказавшись лицом напротив ее лица, и она увидела заискрившуюся солнечными брызгами улыбку в его темно-синих глазах.

– Уходи же! – повторила она.

– Вот теперь я действительно вознагражден! – шепнул он в ответ и, еще раз бережно прикоснувшись губами к ее ладони, выпустил руку Марианны из своей руки.

Поклонившись ей, он отвесил глубокий поклон шерифу и всем его гостям и, сильно прихрамывая, пошел прочь. Когда он уже спустился по лестнице, возле помоста появился Гай. Неосторожно задев стрелка плечом, Гай бросил на него небрежный, скользкий взгляд, нахмурился и попытался разглядеть внимательнее.

– Покорный слуга милорда! – поклонился ему стрелок, взмахнув перед лицом плащом и очертив рукой широкий полукруг.

Марианна поспешила спуститься к ним и подарила Гаю самую очаровательную из своих улыбок. Не обращая на старика никакого внимания, она взяла Гаю под локоть, заставив повернуться к стрелку спиной.

– Ты даже не предложил мне руку, – с улыбкой попеняла Марианна, – так хотя бы проводи меня к моему креслу.

– Принцесса! – Гай мгновенно забыл о лучнике. – Прости мне мою невежливость, турнир сильно утомил меня. Я к твоим услугам!

Под руку с Марианной он поднялся к гостям и усадил Марианну в ее кресло между Невиллом и епископом. Наблюдавшая за ними леди Беатрис огорченно вздохнула, но Гай уже склонялся над ее рукой:

– Понравился ли вам турнир, прелестная леди?

– О да! – воскликнула леди Беатрис, мгновенно просияв, и восхищенно посмотрела на Гаю. – Разве он мог мне не понравиться, когда вы так щедро одарили меня своей победой!

Между тем епископ одобрительно кивнул Марианне и в знак прощения протянул ей для поцелуя руку с перстнем, отмечавшим его сан.

– Вот это было славно, дочь моя! – снизошел он до похвалы, когда Марианна прикоснулась губами к перстню, тщательно пряча улыбку и лукавые искорки в глазах. – Мне отраднее видеть, что вы в силах смирить свой нрав и исполнить заданный вам урок послушания.

– Жаль, милорд, что вы не успели посмотреть состязания лучников! – продолжала тем временем занимать беседой Гаю леди Беатрис.

Гай ответил ей скучающей гримасой.

– Я не люблю забавы для черни, дорогая леди! – сказал он и обернулся к ее брату. – Сожалею, мой друг, что вы не смогли сегодня принять участие в турнире, но я надеюсь в следующий раз непременно преломить с вами копье!

– Поединок с вами будет для меня большой честью! – заверил Бэллон, с искренним восхищением глядя на Гаю.

Марианна, не слыша ни слова из их разговора, следила взглядом за седым лучником, мысленно торопя каждый его шаг. Но по непроницаемому выражению ее лица никто не догадывался, каким волнением охвачена вся ее душа.

– Где же сэръ Роджер? – спросил шериф, указывая Гаю на кресло и делая знак кравчему, чтобы тот принес вина.

– Он разделяет мое мнение относительно состязания лучников, так что мы увидим его только на ужине, – сказал Гай и, ближе склонившись к сэру Рейнолду, понизил голос: – Но мне показалось, что на самом деле он стыдится предстать перед леди Марианной после своего поражения на турнире.

Сэръ Рейнолд рассмеялся и по-отечески потрепал Гаю по руке.

– Надеюсь, он не остался на вас в обиде! Что же до состязания лучников, тут я с вами не могу согласиться: сегодня оно было весьма занимательным!

– Чем же? – осведомился Гай самым скептическим тоном.

– Победитель сегодняшнего состязания был выше всяческих похвал. Представьте себе, он поразил все мишени на немыслимом расстоянии и не допустил ни одного промаха!

– Обычное дело для того, кто выигрывает турнир лучников! – снисходительно ответил Гай и повертел головой по сторонам. – Кто же этот стрелок, вызвавший у вас столько восторга?

– Да вы его только что едва не сбили с ног! – рассмеялся Бэллон.

– Этот старик? – медленно переспросил Гай и нахмурился.

Обыскав недоверчивым взглядом турнирное поле, он наконец увидел седого стрелка и резким движением вскочил на ноги.

– Ах вот оно что! – воскликнул он и, оказавшись возле перил, властно махнул рукой, подзывая ратников.

Указав им на лучника, который к тому времени успел уйти довольно далеко, Гай приказал:

– Догоните его и приведите сюда. Если попытается сопротивляться – применяйте оружие!

Ратники бегом бросились выполнять приказ, но Гаю показалось мало принятых мер. Отыскав взглядом Джеффри, он жестом приказал ему следовать за ноттингемской стражей, и теперь два вооруженных отряда рассекали толпу с разных сторон, стремясь встретиться в одной точке – там, где должен был оказаться седой стрелок.

– Что все это значит? – спросил сэр Рейнолд, наблюдая за действиями Гая с откровенным удивлением. – Зачем столько ратников против одного хромого старика?

Но вдруг леди Клод вскрикнула и тоже указала рукой на лучника.

– Смотрите, отец, он... Он, кажется, не так стар, как мы думали!

Стрелок неожиданно перестал припадать на ногу и шел теперь стремительным легким шагом. Расходившиеся по своим делам горожане и йомены узнавали в нем победителя среди лучников и, приветствуя, почтительно расступались перед ним. Посланные в погоню ратники отставали, и расстояние между ними и стрелком все больше увеличивалось.

– Быстрее! – в нетерпении воскликнул Гай, словно ратники могли его слышать, и с бесильной яростью пристукнул кулаком по перилам.

Марианна, по-прежнему не сводившая глаз со стрелка, вдруг услышала слова молитвы, произносимые торопливым шепотом. Обернувшись к подруге, Марианна увидела, как побледнело лицо Клэрэнс и в каком сильном волнении она стиснула руки и прижала их к груди, не сводя расширенных от страха глаз с удалявшейся фигуры лучника. Помня об остром слухе епископа, Марианна стремительно поднялась с кресла и, непринужденно улыбнувшись, взяла Клэрэнс под руку и увлекла к столу, на котором стояли кувшины с вином, кубки и блюда со сладостями.

– Не волнуйся, он успеет! – тихо сказала она, кивком поблагодарив кравчего, который подал ей наполненный вином кубок.

– А если нет? – с ужасом прошептала Клэрэнс, норовя оглянуться и с трудом принимая от кравчего свой кубок, который едва не заплясал в ее дрожащих руках.

Поймав предупреждающий взгляд Марианны, Клэрэнс заставила себя улыбнуться и сделать глоток вина, но ее бледные губы продолжали дрожать.

– Если нет, то с ним все равно ничего не случится. Я обещаю тебе! – твердо заверила Марианна, мельком оглянувшись и крепко сжала локоть Клэрэнс. – Успокойся и медленно обернись – он уже вне опасности.

Стрелок остановился, перебрал через руку полу плаща и кому-то махнул рукой. В то же мгновение его окружили пять всадников. Один из них – тот самый йомен, который был на состязании вторым среди лучников, – держал в поводу оседланного коня. Стрелок взял поводья и одним ловким движением оказался в седле. Подозвав пробежавшего мимо пажа, он бросил мальчику монету, отдал какой-то предмет и указал в сторону галереи. Мальчик с готовностью прижал руку к груди в знак того, что исполнит поручение. Стрелок потрепал его по голове и, выпрямившись, прищпорил коня. Он и ожидавшие его всадники погнались коней

широким галопом прочь от городских стен и скрылись в лесу прежде, чем посланные Гаем ратники успели добежать до дальнего края турнирного поля.

Лицо Гая стало очень спокойным, взгляд погас, лишь прикушенная нижняя губа мелко подрагивала – то ли от гнева, то ли от досады. Шериф, епископ, Невилл переглянулись и молча пожали плечами, не понимая, что произошло.

– Сейчас все разъяснится, милорды, – глухо ответил Гай, заметивший этот молчаливый обмен взглядами. – Я мог ошибиться. Но, судя по его походке, когда он перестал хромать, вряд ли!

Паж наконец добрался до галереи, шустро взбежал вверх по лестнице и с лихим поклоном протянул шерифу тонкий свиток пергамента.

– Милорд шериф, господин лучник просил передать вам это послание!

Сэр Рейнолд торопливо развернул пергамент, пробежал глазами по строчкам и побледнел так, словно прочел известие о собственной смерти.

– Не испытаю ли я разочарования, увидев его без седин... Ни капли не растерял былой дерзости! – еле слышно сказал он, вперив в небо невидящий взгляд.

Вспомнив, что на него смотрят десятки глаз, сэр Рейнолд взял себя в руки и протянул письмо Гаю.

– Увы, милорд, вы оказались правы в своих подозрениях!

Гай пробежал глазами письмо, и его черты внезапно исказились в такой чудовищной гримасе злобы и ненависти, что лицо стало неузнаваемым. По крайней мере, Марианне до сих пор не доводилось видеть Гая таким, и она даже замерла, не в силах отвести глаза от его изменившегося лица. А он сам уже искал ее взглядом, нашел и впился в нее глазами, в которых полыхало пламя лютой ярости.

– Что вы ему сказали, леди Марианна?! Что вы ему сказали?! Отвечайте!

Его приказ прозвучал резко, словно Гай ударил, а не спросил. Марианна онемела от такой неслыханной грубости и лишь молча смотрела на Гая. У остальных гостей его тон вызвал волну возмущения.

– Объяснитесь, сэр Гай! Перед вами благородная леди!

– Да кто же это был, наконец?!

– Успокойтесь, господа, и проявите снисходительность к сэру Гаю, – поспешил вмешаться шериф. – Победитель среди лучников – сам лорд вольного Шервуда, и вы все только что имели удовольствие видеть его и беседовать с ним.

Если сэр Рейнолд желал спокойствия, то своим разъяснением он добился полностью противоположного результата. Кто-то из гостей не сдержал возгласов удивления, а молодежь откровенно веселилась, не скрывая смеха. Только леди Клод, оскорбленная за отца, гневно поджала губы, хотя ее жених хохотал от души.

– Сам лорд Шервуда?! Вот это да! Я думал, этому лучнику лет семьдесят!

– А он и правда сакс? Он говорил на французском чище и правильнее любого из нас!

– Провел нас всех как желторотых птенцов!

– Не нахожу пристойного повода для веселья! – громовым раскатом прокатился голос

Гая.

Овладев собой, он обвел всех холодным взглядом, не пропустив никого. Веселые голоса стихли сами собой.

– Стыдитесь, благородные лорды и леди! Волк в собачьей шкуре вдруг вызвал у вас такой восторг! – упрекнул он присутствующих, презрительно скривив губы, и в установившейся тишине вновь обернулся к Марианне: – Итак, что вы ему сказали? И почему именно вы вызвались вручить ему награду?

Марианна тоже успела справиться с собой. Сложив руки на груди, она гордо выпрямилась и высоко подняла голову. Не отвечая Гаю, она смотрела на него спокойным холодным взглядом, как королева на недостойного вассала.

– Он сам попросил об этом, а я приказал леди Марианне исполнить его просьбу, – поспешил вмешаться епископ, желая быть справедливым. – Меня рассердили ее сетования на то, что саксонская святыня достанется норманну, и я решил преподать ей урок смирения. Но, кажется, сам получил такой же урок... – договорил он самым сокрушенным тоном.

– Я сказала ему несколько любезных слов, похвалив его меткость, – отчеканила Марианна голосом, в котором звенел лед. – Ровно столько, сколько мне продиктовала вежливость, милорд, которую вы растеряли по дороге от своего шатра.

Отвернувшись от Гая, она попросила у отца разрешения удалиться в замок и в сопровождении Клэрэнс и ратников Невилла покинула галерею.

Проводив ее замершим взглядом, Гай словно очнулся от забытья и бросился следом. Догнав Марианну, он поймал ее руку, вынудив остановиться.

– Принцесса!.. – воскликнул он с мольбой, но Марианна, не посмотрев в его сторону, молча высвободила руку.

Тогда он рухнул перед ней на колени и прижал к губам край ее плаща, глядя на нее снизу вверх и безмолвно моля о прощении. Клэрэнс, внешне выражая почтительность, стояла поодаль, опустив глаза, но ее губы подрагивали в презрительной улыбке.

– Поднимись, Гай, на нас смотрят, – сказала Марианна, так и не удостоив его взглядом.

Но уже то, что она назвала его по имени, подействовало как помилование для приговоренного к казни. Гай вскочил на ноги и, вновь завладев рукой Марианны, прижался губами к ее пальцам.

– Прости меня, мой ангел! – прошептал он с отчаянием. – Я испугал тебя!

– Нет, – ответила Марианна и соизволила обернуться к Гаю. Рассматривая его так, словно впервые увидела, она усмехнулась: – Ты заставил меня задуматься.

Он понял, что она имела в виду: задуматься о том, насколько правдива молва о нем, которая, несомненно, была ей известна, но которой она до сих пор не находила подтверждения.

– Принцесса, послушай!.. – начал было Гай, горячо желая вернуть ее доброе мнение о нем и прежнее расположение, которым она его одаривала, но Марианна остановила его легким взмахом руки.

– Довольно надуманных титулов! Я всего лишь саксонка, чьими чувствами легко пренебречь. Один знатный норманнский лорд навязывается мне, не находя в том ничего зазорного. Другой учиняет грубый допрос в присутствии всех, кому я считала себя равной. Епископ, желая меня унижить, принуждает исполнить каприз незнакомого ему человека только потому, что посчитал того норманном. Так что я не принцесса, и все сегодня указали мне, где мое место.

Ее горькая отповедь не усугубила чувство вины, которое Гай испытывал, а, напротив, смягчила. Раз не только он причинил ей сегодня обиду, то, может быть, его доля в доставленном ей огорчении не так велика, чтобы Марианна не смогла простить его.

– Еще и этот негодяй, забавляясь над всеми, потребовал, чтобы непременно ты вручила ему награду! – воскликнул он, всем видом разделяя ее разочарование произошедшим, и протянул Марианне письмо лорда Шервуда. – Прочитай, и ты поймешь, почему я не смог сдержать негодование!

Марианна развернула пергамент, пробежала глазами по строчкам и к огромному удивлению Гая расхохоталась, мгновенно вернувшись в прежнее веселое настроение.

– Какая восхитительная уверенность! Он же заранее написал это письмо, еще не зная, что победит в состязании и получит награду из моих рук!

– Не вижу ничего достойного, что могло бы тебя восхитить! – едва снова не вспыхнул Гай, но, заметив в глазах Марианны мгновенную настороженность, заставил себя успокоиться. – Просто безмерная наглость, которой он всегда отличался!

Оставшись одна в покоях, предоставленных Невиллам шерифом, Марианна села за стол, достала припрятанное письмо, которое Гай забыл у нее забрать, и снова вчиталась в строки, написанные четким стремительным почерком:

«Лорд Шервуда благодарит шерифа Ноттингемшира за оказанный ему почет и обещает навсегда сохранить в своем сердце добрые слова, сказанные прекрасной леди Марианной».

Она на миг прижала пергамент к щеке, словно письмо могло передать ей тепло руки, написавшей эти строчки, и, улыбнувшись, тихо повторила:

– Обещает навсегда сохранить в своем сердце добрые слова, сказанные прекрасной леди Марианной...

Глава четвертая

Она узнала его...

Узнала, сумев разглядеть в обличии старика, которое отвело глаза всем: и шерифу, и епископу, и даже Гаю Гисборну. Всем, кроме нее. Узнала, несмотря на то, что не видела его с того давнего августовского вечера. Позже у них были еще две встречи, но о них Марианна не знала, и потому они в счет не шли. Вспоминая каждое слово из тех, что она говорила ему, вручая серебряную стрелу, он твердо знал, что это не было данью обычной любезности, раз она догадалась, кто стоит перед ней. Значит, то, что она сказала, исполнено глубокого смысла, шло от самого ее сердца, как и ее благословение, которое она даровала ему вместе со стрелой.

Его пальцы еще хранили тепло ее ладони, в памяти звучал ее голос – вначале торжественный и звучный, потом быстрый, тихий и тревожный. Робин запрокинул голову, посмотрел в хмурое зимнее небо и улыбнулся с бесконечной радостью, слушая и не слыша друзей, обсуждавших прошедший турнир и потешавшихся над шерифом.

Но едва он вспоминал о Гае Гисборна, как радость немедленно угасала. Умом он понимал причину, по которой Марианна отвлекла внимание Гая на себя: еще одно мгновение, и тот непременно узнал бы в старом лучнике лорда Шервуда. Ее сообразительность и быстрота, с которой она действовала, заслуживали восхищения. Но несмотря ни на что, Робин не был восхищен и не испытывал к Марианне благодарности. Напротив, в его памяти оживало другое видение: Марианна, закутанная в неприметную серую накидку, в капюшоне, опущенном до самых глаз, стараясь не привлекать к себе внимания, выскальзывает из шатра, на котором развевается флажок с гербом Гисборна. Гай провожал Марианну и на прощание поцеловал ее в лоб.

Что она делала в его шатре, почему отправилась к нему одна? Неужели она действительно считает Гая своим другом, упорно не веря рассказам о его делах, которые передаются из уст в уста по всем Средним землям? Или Гай ведет себя с ней таким образом, чтобы она ни в коем случае не поверила молве? Несомненно, если он стремится завладеть сердцем Марианны, то никогда не допустит, чтобы ей хоть в малости приоткрылся его истинный облик! Значит, Марианна видит в нем обаятельного и умного собеседника, искусного воина и галантного рыцаря.

В том, что Гай неравнодушен к Марианне, Робин не сомневался. Достаточно вспомнить, как он расцвел, едва Марианна к нему обратилась, с какой готовностью предложил ей руку, мгновенно забыв о подозрениях, вспыхнувших при виде седого лучника. Когда же она положила свою руку поверх его руки, на лице Гая отразилось чувство, подобное не обычной страсти, нет, – благоговению! Гай не просто влюблен в нее: он боготворит Марианну.

А что если и сама Марианна склоняется к мысли отдать Гаю свою руку и сердце? Ведь он старается проводить с ней как можно больше времени, а Робин такой возможности лишен. Натуру Гая он познал на собственном опыте, и это знание заставляло Робина испытывать почти страх за будущее Марианны. Ей даже не надо будет совершать ничего особенного, чтобы вызвать неудовольствие Гая. Довольно, чтобы она оставалась собой, и зло, которое неизменно одерживает верх над проблесками света в душе Гая, однажды обрушится на Марианну со всей беспощадностью.

Нет! Перебирая в памяти все, что он узнал о Марианне сам или со слов других людей, возвращаясь к словам, которые она ему сказала на турнире, Робин едва заметно качнул головой. Она не пойдет с Гаем под венец по доброй воле. Но, с другой стороны, когда Гая интересовала чья-то воля, кроме собственной?

Эти и подобные размышления не оставляли Робина всю дорогу из Ноттингема в Шервуд, то приводя его в дурное расположение духа, то возвращая в радостное.

В то же самое время Статли с интересом наблюдал за сменой выражений на лице Робина, который иной раз настолько глубоко погружался в раздумья, что забывал обо всем, не слыша разговоров и шуток друзей. Пытаясь угадать, что повергло всегда спокойного и внешне бесстрастного лорда Шервуда в подобную бурю чувств, Статли подумал: не женщина ли явилась тому причиной? Но единственной женщиной, с кем Робин разговаривал на турнире, была леди Марианна – Прекрасная Саксонка, о защите которой лорд Шервуда осенью отдал приказ всему вольному воинству. Тогда никто из стрелков, в том числе и Статли, не удивился этому приказу. Но сейчас он заподозрил, что Робин руководило отнюдь не восхищение, которое вызывала у всех – и мирных жителей графства, и вольных стрелков – самоотверженность леди Марианны, боровшейся с мором в Руффорде. Или не только восхищение и обычное стремление лорда Шервуда защищать то, что, по мнению Робина, стоило его защиты.

Статли решил проверить внезапно возникшую, но пока неясную догадку. Когда они приехали в лагерь лорда Шервуда, расседлали коней и получили от Джона ожидаемую порцию упреков в легкомыслии за участие в турнире, Статли выждал, пока Робина никто не будет окружать, и подошел к нему. Робин грел руки над пламенем очага и едва не обжегся, услышав вопрос:

– Она тебе нравится?

Робин обернулся и удивленно посмотрел на друга.

– Кто?

Прежде чем Статли успел ответить, Робин по необъяснимому наитию вдруг понял, что друг говорит о Марианне.

– Вилл, ты в своем уме?

– О! – протянул Статли, которого не обманул рассерженный тон лорда Шервуда, а то, что Робин без слов догадался, о ком идет речь, только уверило в правильности его предположения. – Я вижу, она тебе не просто нравится! Она тебе очень крепко нравится, Робин. Я бы даже сказал, что...

– А я бы на твоём месте немедленно замолчал! – резко оборвал его Робин, не забыв умерить голос так, чтобы их разговор не услышали другие.

Статли покорно склонил голову, но его губы подрагивали в улыбке. Выходит, что сердце лорда Шервуда, которое все вольное воинство считало недоступным для женских чар, все-таки оказалось уязвленным. И теперь Статли мог с полной уверенностью назвать имя той, что сумела завладеть этим сердцем.

Робин сдался первым, нарушив молчание.

– Вилли, я полагаюсь на твою скромность, – вздохнул он.

– И не ошибешься! – рассмеялся Статли, в душе польщенный доверием Робина. – Исключительно скромность заставляет меня держать язык за зубами с конца октября. Ведь именно тогда ты отдал приказ всему Шервуду оберегать известную нам леди как зеницу ока.

– Я мог сделать это из обычной благотворительности, – хмыкнул Робин, чем вызвал тонкую улыбку, немедленно появившуюся на губах Статли.

– Из той же самой, что руководила тобой, когда ты провожал ее через Шервуд? – Заметив в глазах Робина откровенное непонимание, Статли развеселился. – Неужели у тебя отшибло память? В августе! Ты еще встретил по дороге Алана и меня.

Ответом ему было свирепое проклятие, гневным шепотом сорвавшееся с губ лорда Шервуда.

– Кому еще вы успели разболтать, кого я провожал?! Гай не отходит от нее ни на шаг! Если он только узнает, что Марианна знакома со мной...

Ее имя подействовало на Робина как успокоительный бальзам. Черты его лица смягчились, на губах против воли появилась улыбка. Статли поспешил заверить Робина в том, что никто в Шервуде, кроме него, не догадался, кого лорд Шервуда провожал через лес.

– Робин, я ведь и сам ничего не знал. Просто решил проверить мелькнувшую у меня догадку, – виновато сказал Статли, – и не ожидал, что настолько точно попаду в цель.

– Значит, ты расставил мне ловушку, а я угодил в нее как последний ротозей! – усмехнулся Робин и с неожиданной горечью признался: – Ах, Вилл, знал бы ты, как это все некстати!

– Почему? – удивился Статли.

– Хотя бы потому, что сильно отвлекает меня от дел и толкает на глупые выходки, подобные сегодняшнему турниру.

– О чем вы толкуете? – подошел к ним Джон. – Да еще с таким жаром, судя по выражению ваших лиц.

– Вилл беспокоится, достаточны ли запасы зерна, – ответил Робин самым бесстрастным тоном. – Он просил поделиться с ним, но опасается, что нам самим не хватит.

– Да что ты, Вилли?! – воскликнул Джон, с удивлением глядя на Статли. – Забыл, как позавчера сам помогал нам складывать мешки в амбар? Бери сколько тебе нужно – голодными нас не оставишь!

Разговор с Виллом Статли вызвал у Робина еще больший душевный разлад. Победа в состязании лучников должна была только сильнее укрепить авторитет вольного Шервуда, поскольку Робин не сомневался в том, что уже завтра все Средние земли будут знать, кому досталась серебряная стрела. Не один день, предшествовавший турниру, друзья уговаривали Робина разрешить кому-нибудь принять в нем участие и не допустить, чтобы стрела Веланда попала в чужие руки. Особенно на этом настаивал Вилл Скарлет, выходявший из себя при мысли о том, что священная саксонская стрела окажется у норманнского лучника. Джон, напротив, убеждал Робина, что ни одна древняя святыня не стоит такого смертельного риска. Робин не говорил ни да ни нет, одновременно и понимая чувства Вилла, и разделяя мнение Джона. В результате он принял сторону Скарлета. Но Робин недаром назвал свое участие в турнире глупой выходкой: сам он в точности знал, что его заставило предпринять рискованную вылазку в Ноттингем и заслуженно заработать упреки Джона. Запах стеблей имбиря.

Кэтрин еще в начале осени высадила в глиняные горшки почки, выброшенные имбирными корневищами, чтобы в Шервуде всегда был запас чужестранного растения, необходимого для приготовления некоторых лекарств. Остывая после очередного яростного спора с Джоном и Скарлетом, в котором они больше препирались между собой, чем с ним, Робин занял Кэтрин незначительной беседой. Она в это время поливала густо проросшие стебли, и Робин, сам того не заметив, сорвал и растер в пальцах длинный узкий лист.

Острый и одновременно нежный травяной запах ударил ему в лицо, и на Робина внезапно нахлынула волна ярких воспоминаний о Марианне: этот запах исходил от ее волос, в светлые сыпучие россыпи которых он зарывался лицом и пальцами в две встречи из трех. Об одной она знала, о другой знать не могла, о третьей не помнила... Робин даже задохнулся, на миг зажмурив глаза, забыл, о чем говорил, и опомнился только тогда, когда поймал удивленный взгляд Кэтрин.

Этот запах вызвал в нем страстное желание увидеть Марианну, немедленно, не откладывая ни на минуту. Но это, разумеется, было невозможно. А вот увидеть ее позже, в Ноттингеме, в его силах – ведь она обязательно будет среди гостей сэра Рейнолда, и если он примет участие в состязании лучников...

План мгновенно созрел в его голове, но Вилл Скарлет, который поначалу обрадовался согласию Робина, узнав о его намерениях, уже сам пытался отговорить его. Но тот лишь посмеивался в ответ на увещания Скарлета, как Вилл до того насмеялся над призывами Джона к благоразумию. В результате Виллу пришлось смириться, а Джон, который считал Робина своим союзником в споре со Скарлетом, вышел из себя и заявил, что они оба могут делать все что им угодно.

Итак, Джон махнул на них рукой, оставалось распределить, кто чем будет занят на предстоящем состязании. Робин предложил Скарлету и Статли самим решить, кто из них примет вместе с ним участие в турнире лучников, а кто с несколькими стрелками обеспечит безопасность, смешавшись со зрителями. И тот и другой были отличными лучниками, каждый из них хотел принять участие в состязании наравне с лордом Шервуда, и оба были хорошо знакомы ноттингемской страже, поэтому любому пришлось бы менять обличье, как и самому Робину. Устав спорить, они бросили жребий, и Статли выпало участвовать в турнире, а Скарлету – следить за обстановкой и в случае опасности поднять в толпе суматоху, пользуясь которой, вольные стрелки отступили бы под прикрытие леса.

Договорившись обо всем и еще раз до мелочей обсудив все свои возможные действия, лорд Шервуда и его друзья стали собираться в путь. Но прежде чем отправиться в дорогу, Робин не отказал себе в удовольствии написать письмо, которое впоследствии привело Гая Гисборна в такую ярость. Впрочем, о том, что произошло, после того как он ушел от посланных в погоню ратников и вернулся в Шервуд, Робин узнал только через несколько дней.

А вечером этого дня он был крайне недоволен собой и укорял себя в том, что пошел на поводу у собственной слабости. Иного слова для неодолимого влечения к Марианне Робин найти не мог. Да и как еще можно было назвать порыв, вызванный всего лишь запахом листика имбирного стебля? Запахом, исходившим от ее волос, который так глубоко прятался в его памяти, что он и не подозревал о существовании еще и такой незримой нити, связавшей его с Марианной! И вдобавок ко всему смелые догадки Статли, которые он сам и подтвердил.

Он настолько утратил власть над собой из-за встречи с Марианной, что позволил другому читать в его сердце и тем самым невольно подставил под удар ту, которую оберегал сам и приказал беречь остальным. Конечно, опасности нет: Статли будет молчать о том, что узнал. И природа проничательности, которую проявил Статли, была Робину понятна. Друг сам был влюблен, и Робин знал, в кого. Он мог бы отплатить Статли той же монетой, поскольку тот был уверен, что его влюбленность – тайна для всего Шервуда, и в особенности для Робина. Но зачем ему смущать Статли? Тот ведь не ожидал, что угадает так верно, а Робину и гадать не о чем. Но своими словами друг оказал ему плохую услугу: Робину вдруг стало не под силу справиться с тем, что творилось в его душе, словно вопросы Статли сняли камень, закрывавший родник, и тот забил с такой силой, что его уже было не остановить. Проведя ночь без сна, так и не сладив с собой, Робин отправился к священнику, с которым был дружен не он один в Шервуде и который добровольно возложил на себя обязанности духовного пастыря вольного леса.

Эта дружба началась необычно – с довольно яростной стычки между священником и Виллом Скарлетом. Конечно, если бы Скарлет всерьез пустил в дело меч, то одним из служителей церкви стало бы меньше. Но священник не был так же сдержан и едва не раскрыл дубиной голову Виллу, который всего лишь хотел попросить его окрестить новорожденного сына Кэтрин и Джона, но на всякий случай вынул из ножен меч прямо на глазах у священника. Возникшее недоразумение быстро разрешилось, священник согласился провести обряд крещения и стал частым гостем в Шервуде, а вольные стрелки – в церкви, где он служил.

Увидев лорда Шервуда, священник просиял и широко раскинул руки.

– Ба! Вот это гость у меня сегодня! Приехал по делу, Робин, или просто решил меня проведать?

– По делу, – улыбнулся Робин, садясь на скамью, и, сняв с плеча ремень тяжелого колчана, положил его рядом.

Отец Тук тем временем успел принести пару кубков и кувшин с вином.

– Что же за дело тебя привело? – спросил он, разливая вино по кубкам. – Хотя никакое дело не может быть помехой глотку хорошего вина в компании доброго друга!

Отец Тук повернулся к Робину, чтобы протянуть ему кубок, но заметил что-то неприятное в глазах лорда Шервуда, отчего, так и не передав Робину кубок, опустился на скамью рядом.

– Ну говори, – предложил он, не сводя встревоженных глаз с лорда Шервуда, который выглядел очень усталым, и не телом, а душой. – Да все ли живы и здоровы? Неужели кто-то получил рану и настолько плох, что его необходимо срочно исповедовать?

– Да, – одними уголками губ усмехнулся Робин и, встретившись взглядом с отцом Туком, признался: – Меня, святой отец. Я нуждаюсь в исповеди.

Отец Тук окинул Робина недоверчивым взглядом и медленно поднес кубок к губам.

– Решил пошутить надо мной?

Робин покачал головой.

– Нет, святой отец, мне не до шуток.

Встревожившись еще больше, отец Тук поставил так и нетронутый кубок на скамью и внимательно посмотрел на лорда Шервуда.

– Тогда начинай, сын мой, – тихо предложил он. – Говори, что тяготит твою душу.

И Робин, глядя перед собой, негромким ровным голосом начал говорить. По мере того как продолжалась его исповедь, голос Робина менялся, а на лице священника отразилась целая радуга чувств: сначала удивление, потом понимание, а в самом конце лицо отца Тука приняло выражение глубокой печали.

– Надо же! – отозвался он тяжелым вздохом, когда исповедь лорда Шервуда закончилась, и сокрушенно покрутил головой. – А я ведь, как все в твоём Шервуде, был уверен в том, что любовь к женщине не занимает тебя. Такая любовь! Оказывается, ошибался. Хотя что тут удивительного? Она и впрямь замечательная девушка, редкостная по красоте и облику, и души.

Услышав эти слова, Робин удивленно приподнял бровь.

– Ты говоришь так, словно в точности знаешь, о ком шла речь. А ведь я не назвал тебе имени!

– Да, имени ты не назвал, – с грустью усмехнулся отец Тук, – но в остальном описал так красочно, что невозможно было не узнать. Она моя духовная дочь, Робин, так что мне не составило труда понять, о ком ты говорил.

Он повернул голову к Робину и, встретив его настойчивый, вопросительный взгляд, едва заметно пожал плечами.

– Ты ждешь от меня каких-то слов? Каких, Робин? Мне надо еще раз сказать, как называется чувство, которое родилось в твоём сердце?

– Нет, – покачал головой Робин, по-прежнему не сводя глаз с отца Тука. – Я уже сам и давно понял, как его следует называть. Подскажи, что мне с ним делать, святой отец.

Священник возвел глаза к сводам церкви и долго молчал, размышляя над ответом.

– Если оно докучает тебе и слишком сильно занимает твой ум в ущерб остальному, вырви его как сорняк с поля, – наконец сказал он.

– А если нет? – быстро спросил Робин.

– Если нет... – отец Тук снисходительно усмехнулся. – Тогда зачем ты сегодня пришел ко мне и почему твоя душа возжелала исповеди?

Слегка сощурился Робин неотрывно смотрел на отца Тука, и тот даже немного отодвинулся под таким взглядом и предостерегающе покачал головой.

– Нет, сын мой! Ведь ты не всерьез?

Робин промолчал, и отец Тук, придя от его выразительного молчания в сильное душевное волнение, всплеснул руками.

– Не смей и думать о таком!

– Почему? – тихо спросил Робин.

– Почему?! – повторил отец Тук. – Вспомни, кто она и кто ты! Какой исход может быть у твоей любви? Не хочешь следовать совету, который я тебе дал, прими другой: лелей свое чувство подобно тому, как рыцарь Христа хранит в сердце благоговейную любовь к Пречистой Деве. На большее ты не вправе рассчитывать.

Выслушав отца Тука, Робин долго размышлял, склонив голову, разглядывая носки собственных сапог. Священник немного повеселел и, желая развеселить Робина, почти насильно втиснул ему в ладони кубок с вином и поднес к губам свой. Отец Тук пил вино, наблюдая за лордом Шервуда, а тот продолжал хранить молчание, все так же склонив голову. Наконец Робин очнулся, глубоко вздохнул, выпрямился и, заметив в руках кубок, не притронувшись, отставил его на скамью.

– Ты говоришь так потому, что уверен: она отвергнет меня, если я открою ей свое сердце?

Услышав этот вопрос, отец Тук поперхнулся вином и едва не рассмеялся. От кого-кого, но только не от лорда Шервуда он мог ожидать подобных слов, зная, что Робину стоило повести ласковым взглядом в сторону любой женщины, чтобы та мгновенно забыла о существовании на свете других мужчин. Но вдумавшись в то, о чем спросил Робин, священник едва не выронил кубок.

– Ты что, собираешься искать ее благосклонности?

Робин повернул к нему голову и абсолютно серьезно ответил:

– Да, собираюсь. А почему бы нет?

Не сводя с него все еще недоверчивых глаз, отец Тук очень неодобрительно покачал головой.

– Почему? – повторил Робин. – Ее сердце кем-то занято?

– Откуда мне знать? – сердито буркнул отец Тук.

– Кому же знать, как не тебе, – усмехнулся Робин, не сводя со священника настойчивого взгляда, – ты ведь ее духовный отец. Так занято или нет?

– Робин, ты сейчас пытаешься склонить меня к нарушению тайны исповеди! – еще более сердитым тоном воскликнул отец Тук.

– Одно слово: да или нет? – тихо спросил Робин, сузив глаза, не позволяя отцу Туку отвести взгляд.

– Нет, – сдался священник, – ее сердце свободно, и больше я тебе ничего не скажу!

– Мне вполне достаточно того, что ты уже сказал, – ответил Робин и рассмеялся беззаботным мальчишеским смехом, чем вновь привел отца Тука в сильнейшее волнение.

Изучив Марианну и помня о том, что она рассказывала ему на исповеди, отец Тук отчетливо осознал, что стоит Робину только подступить к ней с признанием в любви, и его духовная дочь, не задумываясь ни на секунду, ответит на чувства лорда Шервуда. Два одинаковых бесстрашных сердца, словно рожденные в одной груди, два схожих мятежных духа – да кто остановит их, если они устремятся навстречу друг другу? Они же все сметут на своем пути! Отец Тук почувствовал, что он просто обязан не позволить свершиться этой любви, развести Робина и Марианну как можно дальше и прежде всего отговорить Робина от решимости сделать шаг навстречу тому, чему отец Тук противился всей душой.

Священник снова заговорил, то мягко и увещательно, то твердо и настойчиво, но неизменно с глубокой убежденностью в собственных словах. Он говорил долго, о многом и закончил так:

– Представь, что ты откроешь ей сердце. Зная тебя и ее, я мало сомневаюсь в том, что она устоит. Ты добьешься ее взаимности. Чудесно, Робин! Но что будет дальше? Из всеми почитаемой девицы знатного и богатого рода ты превратишь ее в жену изгоя? Лишишь всего, что составляет ее жизнь, и прежде прочего – любви отца? В этом и заключается твоя любовь к ней? Как долго Марианна останется благодарной тебе? Конечно, она достаточно благородна и

сильна духом, чтобы не упрекнуть тебя ни разу, но сколько ты сам продержишься, испытывая постоянное чувство вины перед ней?

Робин слушал его, не проронив ни слова, и голос отца Тука возвысился.

– До сих пор ты проявлял похвальное благоразумие. Придерживайся его и впредь! Я понимаю твои чувства, не удивлен тому, что именно она стала им причиной, но эта девушка не для лорда вольного Шервуда, который объявлен вне закона, заочно приговорен к смерти, за чью голову обещана изрядная награда. Она не годится тебе так же, как ты не годишься для нее.

Священник умолк, вопросительно глядя на Робина, и тот, пригубив наконец кубок, негромко спросил:

– А Гай Гисборн для нее годится, святой отец?

Не услышав ответа, Робин мельком бросил взгляд на отца Тука, и тот явственно ощутил на лице ожоги от синих всполохов в глазах лорда Шервуда.

– Ты знаешь, что он хочет получить ее в жены?

– Знаю, – спокойно ответил отец Тук.

– Знаешь! – с усмешкой повторил Робин и посмотрел в рубиновую глубь вина, которое показалось ему кровью. – А чем для нее закончится брак с ним, ты тоже знаешь?

– Этого брака не будет, – с непоколебимой уверенностью заявил отец Тук. – Конечно, стань она его женой, за ее жизнь можно было бы не просто волноваться – ее пришлось бы однажды спасти! Но, чтобы ты был спокоен, так и быть, согрешу еще в самой малости против тайны исповеди. Знай, что сэр Гай осенью уже просил ее руки, но она ему отказала, и он с пониманием воспринял отказ, больше не настаивая на своем предложении.

– Вот как! – недобро рассмеялся Робин. – Чем же ты объяснишь его постоянное внимание к ней? Она верит, что он удовольствовался дружбой. Ты тоже веришь в это, святой отец?

Отец Тук, которому уже показалось, что он сумел убедить Робина отступить от Марианны, рассердился.

– Я отнюдь не дитя, чтобы верить в благородство Гая Гисборна! Но его намерения не оправдывают твоих стремлений. Удовольствуйся тем, что я постоянно остерегаю ее и от дружбы с Гисборном, и от него самого!

– В таком случае ты не слишком-то преуспел, – с иронией заметил Робин.

– Ее отец тоже не стремится к этому браку. А если ты считаешь, что я пока мало преуспел, вспомни, что вода камень точит!

– Так ведь у воды для этого есть долгие столетия, – вздохнул Робин, – а Гай привык действовать быстрее.

– Но пока он ничем не выказал то, что вызывало бы у тебя опасения, – нашелся отец Тук.

– Когда выкажет, будет поздно, – вздохнул Робин и, поставив на скамью опустевший кубок, поднялся, подхватывая ремень колчана и набрасывая его на плечо. – Как бы то ни было, я признателен тебе за то, что ты выслушал меня.

– Благослови тебя Бог, сын мой! – торопливо сказал священник, тоже поднимаясь со скамьи, чтобы проводить гостя. – Я только рад тому, что помог тебе облегчить душу!

– Несомненно, – улыбнулся Робин, и по этой неопределенной улыбке отец Тук не смог понять, к какому же решению пришел лорд Шервуда.

Уже в дверях он остановил Робина, крепко взяв его за плечо и заставив повернуться лицом к себе.

– Я убедил тебя, сын мой? – спросил он, обыскивая тревожным взглядом бесстрастное лицо Робина.

Тот усмехнулся и успокаивающе потрепал отца Тука по плечу.

– Я подумаю, святой отец, – только и сказал он, но отцу Туку уже и этих слов было достаточно: он даже вспотел, настолько тяжело ему дался разговор с лордом Шервуда.

Простившись с отцом Туком и покинув церковь, Робин ехал по лесу, не выбирая дорогу, наугад. Он думал о том, куда ему отправиться дальше. Возвращаться в свой лагерь не хотелось: там слишком много дружеских, но очень внимательных глаз. То же самое относилось и к любому другому лагерю вольных стрелков. Все будут рады, если лорд Шервуда придет в гости, но за эту радость придется платить общим вниманием, а Робин еще не находил в себе сил скрыть охватывавшее его смятение. Разговор с отцом Туком отяготил его, а не успокоил. И он решил переночевать на постоялом дворе, хозяйка которого была одной из самых верных союзниц вольного Шервуда. Он сам и другие стрелки любили заезжать к ней, и она даже обустроила для таких гостей тайную трапезную с отдельным выходом, чтобы никто из других посетителей не помешал вольным стрелкам в случае опасности быстро вернуться в лес.

Подъехав к постоялому двору и не увидев ни одной лошади или повозки, Робин стукнул в закрытую ставню. В ответ распахнулась дверь, в проеме которой появился стройный силуэт.

– Лорд Робин! Неужели глаза меня не обманывают и это действительно ты?

– Я, Мод, – негромко ответил Робин, узнав молоденькую хозяйку придорожной гостиницы. – У тебя много сегодня гостей?

– Вообще никого нет! – радостно ответила Мод, подбегая к лорду Шервуда. – По такой непогоде мало кто отправится в путь. А праздники в Ноттингеме еще не закончились, так что у меня пусто и в трапезной, и в комнатах для ночлега.

– Раз так, принимай постояльца на ночь, – рассмеялся Робин.

Мод дождалась, пока он заведет в конюшню коня и расседлает его.

– Что же ты стоишь под снегом в одном платье? – спросил Робин, выйдя из конюшни и увидев, что хозяйка ждет его, спасаясь от зимнего холода только тем, что крепко обхватила себя руками. – Простудишься!

Не ответив ему, она рассмеялась и, ухватив Робина под руку, увлекла его к двери. Завидев гостя и узнав в нем самого лорда Шервуда, две молоденькие служанки радостно ахнули и захолопотали. Одна принялась разводить огонь в очаге, вторая бросилась в большую трапезную, чтобы собрать ужин.

– Сама, сама! – отмахнулась от них Мод, помогая Робину снять припорошенный снегом плащ и перехватывая у служанки блюдо с горячим мясным рагу.

Выдворив служанок, она принялась накрывать на стол, сияя радостной улыбкой, которую и не старалась скрывать. Потом она принесла кувшин с водой и широкую лохань, чтобы Робин мог освежиться с дороги, и сама поливала ему на руки, пока он умывался. Стряхнув с волос попавшие на них капли воды, Робин поискал глазами полотенце, и Мод, смеясь, подставила ему плечо, на которое это полотенце было наброшено.

– Рассказывай же! – воскликнула она, когда он принялся за ужин, а сама села за стол напротив него, наполнив кружки имбирным элем, которым ее постоялый двор славился на все графство.

– О чем? – с улыбкой спросил Робин.

– Как о чем?! – удивилась Мод. – Конечно, о том, как ты вчера победил в состязании лучников, выиграл серебряную стрелу Веланда и в очередной раз выставил нашего шерифа круглым дураком!

– Как же ты узнала об этом, если к тебе никто не заезжал? – рассмеялся Робин.

– Днем-то были гости, которые останавливались пообедать да лошадей покормить. Это на ночь глядя никто в путь не отправился. Ну расскажи, пожалуйста!

Она смотрела на него восторженными глазами, и он рассказал ей, постаравшись, чтобы рассказ получился смешным и веселым. Еще одна история о нем пойдет гулять по Средним землям, обрастая мыслимыми и немыслимыми подробностями, в которых его облик изменится до неузнаваемости, как и облик шерифа. Только об одной подробности он умолчал: кто вручал ему приз за победу.

Мод слушала его и заливалась смехом так, что даже слезы выступили у нее на глазах. Когда рассказ подошел к концу, она вновь наполнила кружки элем и пила свою, не сводя с Робина глаз, в которых отражалось поистине детское восхищение услышанной волшебной сказкой.

Мод, конечно, уже вышла из детского возраста, но и очень взрослой ее было трудно назвать. В свои неполные двадцать лет она успела побывать замужем, овдоветь и, не спеша с новым замужеством, ловко управляла постоянным двором, оставшимся ей от покойного мужа. Проворная, острая на язык, ладная и стройная, она очень нравилась всем, кто останавливался в ее гостинице. Многие и приезжали ради нее самой. Датская кровь одарила ее роскошными волосами цвета спелой пшеницы и прозрачными светло-голубыми скандинавскими глазами. Но и нрав у нее был достоин предков. Сидя за столом в тайной трапезной, вольные стрелки слышали из-за стен звонкие оплеухи, которыми она щедро одаривала тех, кто отваживался на вольности с хорошенькой молоденькой вдовушкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.